

Интенсивная терапия

Авторы:
Жанна Даниленко
Ler-chan

Связь клинических проявлений и течения заболеваний с метаболическими нарушениями, их распространенность, распознавание и интенсивная терапия.

•

Новинки и продолжение на сайте библиотеки <https://www.litmir.me>

===== Ой, что я наделала?! =====

Она сидела у компа и писала статью. Не шло, просто все мысли были не туда. Личные проблемы явно перевешивали на внутренних весах то, что она должна была сделать. Все эти триглицериды, липопротеиды лёгкой и тяжёлой плотности были такой мелочью по сравнению с глобальным. Да и вообще вся дурацкая биохимия при этом заболевании. Да кому она нужна? Болели, болят и болеть будут.

Внутри всё клокотало, но она чётко понимала, что работа и статья совершенно ни при чём.

Тут жизнь рушится, а шефу статью подавай!

Она в тысячный раз переключивала из одной стопки в другую первичные материалы, анализы, первые таблицы, обработанные статистические данные. Выписки из историй болезней, сравнительную симптоматику. Короче, всё, что должно было привести к написанию этой невыносимой статьи.

Господи, это же часть диссертации, делать надо и работать надо, хоть камни с неба. А они сыпались, эти камни, сыпались ей на голову, погребая её заживо.

Потерять работу она не могла, ну просто никак не могла, и не защититься тоже не могла – это престиж, это имя, это доказать ему, КТО такая она и ЧТО такое он!

Господи, что делать? Не пишется статья, ну никак не пишется.

Вышла на кухню, выпила ещё одну чашку кофе. Зашла к дочери, укрыла малышку. Одеяло, как всегда, на полу.

Снова задумалась.

Как? Как можно оставить дочь без отца? Он же любит её, малышку их любит.

Ну и пусть, всё равно она его ненавидит, точно!

Вот где его, ирода, черти носят? Сказал, что дежурит. Врёт, точно врёт, она звонила в отделение. Нет, не дежурит.

Первый раз в жизни позвонила проверить, и вот напоролась. Всё-таки чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Правду говорят.

И как давно все это безобразие началось?! Не скажет, он никогда не скажет.

И как она теперь?!

Как же она его ненавидит! И где эту скотину черти носят?!

Вернулась к компьютеру. Снова села за написание статьи.

Но опять всё не сходилось.

А завтра сдавать. Может, помог бы кто? Она ввела тему в поисковик браузера.

Зачем? Да просто так, может, почитает кого и определится. Может, мысли придут, которые витают вокруг местонахождения мужа, придумывая всё новые и новые подробности, и всё больше и глубже погружающие её сознание в мрак собственной души и

неприятие происходящего.

Заставила себя сосредоточиться, всматриваться в фамилии и названия статей.

Сначала увидела его фото. Да это же тот самый Глеб Поддубный, который и будет её оппонентом на защите!

Мощный учёный, не утопил бы.

Умный, невероятно умный и жёсткий мужчина. Вот это – мужчина, не то, что её пидор. Угораздило же её выйти замуж за гея!

Она и людьми их никогда не считала. Нет, это не люди, а отбросы общества. Да она ни с одним из них по одной стороне улицы бы не прошла! А тут такое...

Ладно, о «таком» и о муже завтра, после того, как сдаст статью шефу. Сейчас только статья.

И тут её посетила гениальная и в то же время такая простая мысль... А может, подружиться с этим Глебом? Показать ему, какая она всё-таки умница-разумница. Как она хороша, и умна, и способна!

Тогда и на защите проще будет, а может, она ему вообще понравится... и тогда выкуси, козёл! Получи, что заслужил!

Ну что, господин Поддубный, готовы Вы познакомиться со мной поближе? Готовы оценить меня?!

А я готова!

Ей стала удивительно хорошо. Она вся сияла внутренней местью. Сейчас она напишет ему письмо. Понравится ему, обязательно понравится. Причём настолько, что он непременно захочет познакомиться с ней лично, и узнать, что это за умница-лапочка ему пишет. И ничего, что он живёт в другом городе, можно общаться письмами.

Так даже лучше. К моменту встречи будет такой накал страстей, он будет просто очарован ею. Тут её мысли снова переключились на мужа. Вот так-то, КОЗЁЛ! Вот тогда ты и поймёшь, педрила, на кого и КОГО ты променял. Ненавижу!

Она начала набирать текст в разделе личных сообщений.

«Дорогой господин Поддубный!»

Нет, так слишком навязчиво.

«Уважаемый господин Поддубный! Пишет Вам научный сотрудник Говорова Мария Викторовна. Вы читали у нас в институте лекцию на тему: «Связь клинических проявлений и течения заболеваний с метаболическими нарушениями, их распространённость, распознавание и коррекция».

Конечно, Вы не помните меня, хотя я сидела на первом ряду и ловила каждое произнесённое Вами слово. Для меня Вы великий учёный, я преклоняюсь перед Вашими талантами и способностями.

В данный момент готовится к выходу моя статья о нарушении липидного обмена при означенной Вами патологии. Я изучаю липопропротеиды и триглицериды у тематических больных, находящихся у меня на лечении.

Посылаю Вам несколько таблиц с результатами моих трудов.

Очень надеюсь на справедливую оценку моих немалых стараний в этой области науки.

Вы для меня высший суд, и я надеюсь на плодотворное сотрудничество».

Она снова глянула на часы: он так и не пришёл. Муж не вернулся домой! Ну да, он же дежурит...

Пальцы снова застучали по клавишам, она больше не думала о корректности того, что

пишет.

«Если бы ты, Глеб, только знал, как мне херово сейчас, ты бы помог мне с этой чёртовой статьёй и не зверел бы на защите. Прости, что на ты, но мне надо выговориться. Ненавижу геев. Носятся все с ними – ах пидор, ах несчастный, а он просто законченный урод. Расстреливать таких надо. Мало их расстреливали. Сама бы взяла нож вот этот обоюдоострый Пироговский и животы бы им повспарывала. Думаешь, я ненормальная?! Нет, это не я, это они. У нас ведь дочь, понимаешь, девочка, которая ни в чём не виновата, и он был всегда такой внимательный, такой обходительный, такой милый! Я любила его.

Я ведь не просто научный сотрудник, женщина я, Глеб, понимаешь, женщина! Которой тепло и ласка нужны, а не только триглицериды с липопротеидами. А он сказал, что дежурит, а сам нифига не дежурит, я ж в отделение-то звонила. А почему позвонила? Точно, закономерный вопрос, так я отвечаю тебе на него, Глеб. Я компьютер его открыла, в почту зашла. А там эти фото. Представляешь, мой муж обнимается и целуется с мужчиной!!!

У меня крыша поехала, Глеб.

Всё что угодно, только не это.

Да с бабой какой – я бы пережила, а с мужиком?! Ты вообще представляешь, как это – целоваться с мужиком?!

Ты представляешь, какая мразь мой муж?!

И что мне теперь делать? Вернётся он завтра с работы домой, а я что? Скажу всё, что о нём думаю? Что я думаю о таких, как он. Он прекрасно знает. Мы говорили об этом и не раз. Их сжигать надо всенародно, чтобы другим неповадно было. Ненавижу я геев и лесбиянок ненавижу, и любовниц всех, и любовников тоже! Ой, Глеб, я, похоже, всех ненавижу! Кроме тебя. Спасибо, что выслушал и за поддержку спасибо, и за помощь со статьёй этой дурацкой, тоже спасибо! Как хорошо, что встречаются такие люди, как ты, Глеб!»

Она удовлетворённо поставила восклицательный знак и щёлкнула на кнопку «Отправить сообщение».

Затем распрямилась и потянулась, сидя на стуле.

И тут до неё дошло. Она отправила письмо совершенно незнакомому ей человеку, труды которого читала. Труды и ничего больше.

Что она знала о нём? Ничегошеньки не знала. Он её оппонент на будущей защите, а она ему вылила всё, что накопилось в душе.

Как же изменили её эти последние сутки. Что теперь делать?!

===== Какого хрена я ответил?! =====

– Мне было хорошо. Очень. Ты классный. Ты мне позвонишь?

– Конечно.

– Пока.

– Пока.

Глеб подождал, пока за гостем закроются двери лифта, запер дверь. Уже на пороге спальни остановился, вернулся обратно к входной двери и запер её на ещё один замок.

Будто это спасёт от наваливающейся со всех сторон тоски.

Тоска-а... От неё не отгородиться дверями и стенами, не запереться ни на какие засовы. Она, тварь, запускает щупальца под кожу, и ты повсюду таскаешь её с собой. Таскать тоску... Таскать, стискивая зубы... Смешное слово «тискать» произошло от слова «тиски». Жуткое приспособление, полностью обездвиживающее всё, что попадает в него. Тоска таскает меня в тисках. Ха, да вы поэт, батенька!

В спальне пахло сигаретным дымом, чужим парфюмом, недавним сексом. Хорошо, что мальчик попался сговорчивый, без проблем согласился уехать. Некоторые пытались остаться на ночь. Глеб ненавидел, когда кто-то из его случайных партнёров оставался на ночь. Одного раза хватило, чтобы понять. Одного-единственного раза, когда найденные утром спросонья губы оказались чужими. Не его. Не того, с кем Глеб хотел бы проснуться утром в одной постели.

С кем хотел бы просыпаться всю жизнь.

Тот студентик, которого Глеб первый и последний раз оставил на ночь в своей квартире, не был виноват, конечно. Он-то рассчитывал, что профессор Поддубный, умнейший человек, восходящее светило науки и привлекательный до одури мужчина станет «тем самым» для него. Наивный, глупый, восторженный мальчик. Глеб внезапно вспомнил, как парнишка выскочил из его квартиры, глотая слёзы, не попадая руками в рукава куртки. Ему было больно. От жестоких презрительных слов недавнего кумира, от жёстких рук Поддубного. Нет, Глеб не бил его. Просто оттолкнул – брезгливо, как господин раба.

Как когда-то оттолкнули его самого. Да? Не руками, даже не словами. Просто вычеркнули из жизни, оставив Глеба Поддубного за скобками, за запертой на все замки дверью. И никакие слёзы, никакие разбитые в кровь кулаки не помогут достучаться до любимого человека. Теперь уже никогда. Потому что больше нельзя даже стоять под этой дверью.

У того, с кем хотел бы просыпаться в одной постели Глеб, вчера родился сын.

Внезапно смесь запахов в спальне показалась Глебу похожей на вонь чего-то невыносимо мерзкого, будто где-то под половицей сдохла крыса и медленно разлагалась там. Он рывком распахнул окно, свалив с подоконника на пол деревянную вазу, стопку книг, пустую кофейную чашку. Осколки разлетелись по всему полу. Холодный уличный воздух глыбами вваливался в быстро выстывающую комнату, сушил злые, так и не пролившиеся слёзы.

К чёрту. К чёрту всё!

В таком состоянии смешно было даже надеяться, что удастся заснуть. Глеб не стал закрывать окно, подхватил с прикроватной тумбочки ноутбук и отправился в свой рабочий кабинет. До утра осталось не так уж и много времени.

Работа всегда успокаивала. Анализируя данные, делая выводы, подводя под свои соображения теоретическую базу, Глеб становился тем, кем его привыкли видеть окружающие – учёным с уже известным именем, блестящим экспериментатором, смелым новатором. Всегда отстранённо-вежливый, неприступный, не дающий волю эмоциям. Въедливый и беспощадный к любой тупости. От его заковыристых вопросов, заданных спокойным бархатным баритоном, у студентов отнимались языки, а у диссертантов начинался нервный тик. Кстати о диссертантах. У кого-то там скоро защита, его пригласили оппонентом. Интересная тема, а главное – актуальная.

Открывать почту Глебу не хотелось. Он так и не удалил мейл от Игоря. Как жаль, что уже не получится сменить адрес почтового ящика, слишком много деловых контактов закреплено именно за этим аккаунтом. К чёрту. Надо просто удалить письмо, не открывая. Какая разница, если каждое слово короткого текста словно выжжено на обратной стороне век?

«Надеюсь, ты тоже рад за меня. Очень хочу, чтобы ты был счастлив».

Глеб чуть было не удалил все непрочитанные письма заодно с мейлом от бывшего любовника. Вовремя задержал руку, глаза выхватили незнакомый адрес. Govorova_136. Это ещё кто?

Само письмо Поддубный пока не стал читать, увидев фамилию и имя. Да-да, это и есть диссертантка, которой он будет оппонировать на её защите. Удачно, что не удалил всю почту скопом.

Открыв прикрепленные к письму документы, Глеб углубился в изучение подборки таблиц, сделанных Марией Говоровой.

Вечером, после насыщенного рабочего дня, Глеб с удовольствием отключил все телефоны и открыл домашний ноутбук. Аналитические таблицы Марии Поддубного не просто впечатлили – привели в восторг. Вот правильно говорят, что женщины по самому складу их ума просто созданы для кропотливого и тщательного анализа огромного количества информации! Молодец, Мария, если вся её диссертация будет написана столь же блистательно, это уже не просто кандидатская, можно будет выдвинуть сразу на докторскую степень.

Сохранив наработки Говоровой, Глеб решительно открыл почту. Надо уже перестать рефлексировать, а действительно взять и удалить все прочитанные письма. Сын родился? Очень хорошо. У Игоря теперь есть наследник, который наверняка вырастет таким же говнюком, как его папаша. Таким же невероятно сексуальным, красивым и бессердечным. Пусть будут счастливы. Оба.

Письмо Марии осталось последним из неудалённых. Глеб машинально нажал на «прочитать» и по мере того, как глаза Поддубного пробегали одну строчку за другой, его брови поднимались всё выше.

Его первым порывом было немедленно написать ответное пространное послание Говоровой на тему: «Соблюдение субординации среди научных сотрудников и недопустимость упоминания при деловом общении личных проблем». Глеб начал даже набрасывать какой-то текст – язвительность, прикрытая изысканной вежливостью, пропитывала ядом каждую строчку. Геев она ненавидит, понимаете ли! За что, спрашивается? За то, что они, как обычные люди с традиционной ориентацией, хотят любить и быть любимыми? За то, что мужа не смогла удержать у своего подола? Наверняка привязала его ребёнком как пса цепью, держала на коротком поводке. Кроме фотографий – кстати, вскрытие чужой личной переписки карается по закону, вы в курсе, уважаемая Мария? – есть у неё ещё доказательства, что её муж гей? Она держала свечку, сидела под кроватью? Для того, чтобы так люто ненавидеть, нужны более весомые основания, чем простое неприятие! Не затверженные со слов родителей ветхозаветные моральные принципы! Не просто «ненавижу пидоров, потому что они пидоры». Ведь она не деревенская баба, а умная, высокообразованная женщина, научный сотрудник, чёрт побери!

Подыскивая наиболее точные слова, Глеб привычно потянулся за сигаретой. Нечаянно задел рамку с фотографией, та упала на пол. С давнишнего снимка на Глеба смотрели двое – он сам и Игорь, фотографировались, когда вместе ездили в Прагу на симпозиум. Смеющиеся, счастливые, уверенные в своём «вместе навсегда». По крайней мере, Глеб тогда в это крепко верил.

Глеб вдруг вспомнил, что именно тогда, после приезда домой он стал замечать, что Игорь постоянно задерживается на работе. И однажды не выдержал, позвонил ему на

рабочий номер. Хотя они и договорились никогда этого не делать. Оба слишком на виду, а загубить даже самую безупречную репутацию очень легко. И ему вежливо, слегка недоумевающим голосом ответили: «Игорь Алексеевич уже давно ушёл. Что ему передать?»

Марии ответили так же вежливо и с недоумением? Что она сказала в ответ? Скомканно поблагодарила и положила трубку, борясь с желанием швырнуть телефон в стену – как сам Глеб когда-то? Ей было так же больно в груди?

Поддубный медленно стёр уже написанные полстраницы письма. Закурил. И начал заново набирать ответ.

«Здравствуйте, Мария. Или, раз уж так получилось, сразу на «ты»? Давай на «ты», хорошо?»

Первое, что хочу сказать тебе – не торопись. Ты обижена и возмущена, я прекрасно тебя понимаю. Но у тебя нет никаких прямых доказательств, верно? Только фотографии и тот факт, что в момент твоего звонка мужа не было на работе. Но ведь ты не знаешь точно – может, эти фотографии были сделаны в шутку? Или на спор. Ну, не мне же тебе рассказывать, что мужчины до седых волос сохраняют мальчишескую инфантильность, правда?

Думаю, тебе стоит успокоиться и просто поговорить с мужем. Спокойно, без истерик, без выяснения отношений. Просто сесть и поговорить. Желательно где-нибудь не дома. Среди чужих людей легче держать лицо и не опускаться до ругани.

Но перед тем, как ты вызовешь его на откровенный разговор, мне бы хотелось узнать подробнее – почему ты так агрессивна настроена против всех, кого сейчас политкорректно принято называть «сексуальными меньшинствами»? У тебя есть знакомые среди них? Это какая-то личная обида или ты просто разделяешь общепринятую гомофобию?

Почему мне интересно узнать об этом? Ты действительно очень талантлива, Мария. Тебя ждёт блестящее будущее в науке. Но любому учёному в его становлении прежде всего мешают не отсутствие финансирования и не происки завистников. Главный враг пытливого ума – зашоренное сознание.

Если ты попробуешь аргументированно доказать, что твоё неприятие гомосексуальных отношений – не просто эмоции, а трезвый подход, достойный истинного учёного, то я готов доказать тебе обратное. Что такие отношения ничем не отличаются от обычных, гетеросексуальных.

Подискутируем, коллега?»

Глеб сохранил письмо и немного помедлил, прежде чем отправить. Для чего ему понадобилось писать этот мейл?

Наверное, для того, чтобы доказать что-то.

Не только Марии Говоровой.

Ещё и себе.

«Письмо отправлено»

===== Кажется, обошлось... Правда? =====

Она раз тридцать перечитала отправленное письмо...

Это был конец! Конец всего: науки, карьеры, работы, жизни. Четыре года напряжённого труда, всё, всё коту под хвост.

Мало того, что рухнула её семейная жизнь, так ещё и без работы останется. Теперь ей путь только в поликлинику, по участку бегать. Если возьмут, конечно. С отрицательной

рекомендацией Поддубного ей только в дворники. Да её санитаркой никуда не возьмут.

Вот отмочила!

Ну как можно было не следить за своими эмоциями?!

Теперь, спустя какое-то время, её не волновало ничего, кроме реакции Глеба Олеговича.

А он её уничтожит...

Хотя, может, её уволят раньше, статья не написана.

Сна не было ни в одном глазу, рассвет уже приближался, руки дрожали, и внутри засел холод – такой, что кожа покрылась пупырышками.

Куда ни глянь, везде тупик. Вот жизнь-то, разве ж это жизнь?!

Марию посетила мысль о самоубийстве, но она тут же отмела её, вспомнив о дочери.

Как же малышка без неё? Никак. Ребёнку мать нужна, и вовсе необязательно кандидат наук, дворник тоже сгодится...

Слёзы наконец подступили к глазам и низверглись бурным потоком. Боже, как же ей было себя жалко!!!

Но время неумолимо тикало вперёд и явно не в её пользу.

Она снова прошла на кухню и сварила себе кофе покрепче. Пила обжигающий губы напиток, смешанный со слезами, обильно капающими в чашку, но холод не отпускал.

Итак, кофе не помог...

Она налила в рюмку половину флакона настойки валерианы, залпом выпила. Ничего...

Прикончила флакончик. Жалость к себе возрастала в геометрической прогрессии.

Решила принять ванну.

Вот там, наконец, согрелась.

И главное, сложились статья. То ли валериана, то ли кофе, то ли Господь сжалился над бедной женщиной. Но она совершенно точно знала, что и как надо написать, и какие выводы сделать, и как преподнести таблицы.

Села за комп и застучала по клавишам.

Через полтора часа статья была готова. Перечитала, очень даже ей понравилось.

Вот так будет выглядеть последнее её творение на бескрайних просторах науки.

Слёзы жалости к себе снова заполнили душу, а это ведь самые искренние и самые горячие слёзы. Когда так жалко не кого-нибудь, а саму себя, такую всю хорошую и такую несчастную... И, самое главное, ни в чём, ну совсем ни в чём не виноватую!

Всхлипывая, разбудила дочь, одела, умыла и по пути на работу отвела в детский сад.

На работе Мария попыталась взять себя в руки, умылась холодной водой и отправилась на планёрку.

Там она и столкнулась с ним – с Сашей, с мужем. Она вошла в зал впритык, а потому даже парой слов перекинуться им было некогда. Но Саша отчитывался как дежурный врач... только не второй терапии, где работал, а кардиологии. Значит, дежурил за кого-то, а следовательно не соврал. Звонила-то она в терапию.

Господи, и зачем она себя так накрутила, вчера же убить его готова была!

Она и не подозревала, что настолько ревнива.

– Маша, почему глаза отёкшие? – выходя из зала, спросил он.

– Статью писала ночью.

– Результат?

– Под утро сложилось.

– Я всегда в тебя верил, – он хотел поцеловать её, но она отстранилась. Перед глазами снова стояли фотографии.

– Дашь глянуть статью? – он воспринял её отказ спокойно или просто решил, что ей неудобно целоваться с ним на людях. Или же знал, что она знает.

– Да. И ещё у меня проблемы, Саша. Меня уволят!

Она снова разрыдалась. Он вывел её на лестничную клетку, где обычно курили сотрудники, да и больные – пока никто не видит, и попросил рассказать всё.

Она рассказала.

А кому ещё она могла всё про себя рассказать? Только ему – мужу, потому что он был другом, соратником, единственным, любимым, отцом её дочери, нет, не так – отцом их дочери. Ближе его у неё никого никогда не было, она любила его всегда и верила всегда, ну, до вчерашнего дня. А он не соврал, он действительно дежурил.

Значит, проблема не в нём, а в профессоре Поддубном. В его реакции на её письмо.

Саша выслушал молча.

– Что дальше? – спросила его она, надеясь получить вразумительный ответ.

– Не знаю. Маша, я могу понять тебя во всём, но писать такие вещи незнакомому и очень влиятельному человеку?

– Мне нужен был друг.

– Глеб Поддубный?

– Мне было всё равно.

– Я понял, давай гляну твоё творение, в смысле статью, а всё остальное дома, хорошо? Мне нужно подумать.

Саша одобрил статью, не забыв ей сообщить, что она умница, впрочем, как и всегда.

Шеф тоже хвалил.

Но этого было так мало. Основное ждало впереди.

Она пыталась как можно скорее попасть домой, но надо было в магазин и за дочкой. Саша, как всегда, занят, у него подработка в диагностическом центре.

Добравшись, наконец-то, до дома Мария налила борщ дочери и включила компьютер.

Итак, Поддубный ответил.

Начало ответного письма Глеба чуть не заставило Марию разрыдаться от облегчения. Не обиделся, не станет громить! Наскоро пробежав письмо глазами, она выхватила взглядом слова :«Ты действительно очень талантлива, Мария. Тебя ждёт блестящее будущее в науке». Всё-таки увидел он в ней умницу-разумницу. Всё-таки она прелесть!

Ах, если бы ещё не сохранила она вторую половину письма. Ну можно же было написать, выплеснуть всё и... удалить. Но нет. Никак не получилось остановиться вовремя.

Читать ответ дальше было страшно. И тут её осенило, что Саша, даже если и не соврал насчёт дежурства, то о фотографиях даже не обмолвился. И её накрыло снова.

Нет, всё, хватит. Она попыталась взять себя в руки. Не получалось.

Она продолжила чтение письма.

Какой же всё-таки умница этот Глеб! Он понял её! Нет, не послал, как ожидалось, нет, не указал ей на её место, не расписал всю субординацию и некорректность её поведения. Он оказался другом!!! Таким взрослым гениальным другом!!!

Она читала и мысленно соглашалась с ним. Даже не мысленно, а вслух. Она с ним разговаривала.

«Первое, что хочу сказать тебе – не торопись. Ты обижена и возмущена, я прекрасно тебя понимаю. Но у тебя нет никаких прямых доказательств, верно? Только фотографии и тот факт, что в момент твоего звонка мужа не было на работе. Но ведь ты не знаешь точно – может, эти фотографии были сделаны в шутку? Или на спор. Ну, не мне же тебе рассказывать, что мужчины до седых волос сохраняют мальчишескую инфантильность, правда?»

– Да, ты прав. Ты удивительно прав. И ты знаешь то, что совсем не знаю и не понимаю я. Он был на работе, действительно был. Только в другом отделении, а я, дурочка, звонила туда, где он работает всегда.

«Думаю, тебе стоит успокоиться и просто поговорить с мужем. Спокойно, без истерик, без выяснения отношений. Просто сесть и поговорить. Желательно где-нибудь не дома. Среди чужих людей легче держать лицо и не опускаться до ругани».

– Какой ты! Да, стоит поговорить, а то, что вне дома, я бы и не додумалась. Ты действительно гений. Ты смог почувствовать мои мысли, понять мои переживания. Ты мой друг, может быть, самый близкий, только об этом до сегодняшнего дня не знали ни ты, ни я.

«Но перед тем, как ты вызовешь его на откровенный разговор, мне бы хотелось узнать подробнее – почему ты так агрессивна настроена против всех, кого сейчас политкорректно принято называть «сексуальными меньшинствами»? У тебя есть знакомые среди них? Это какая-то личная обида или ты просто разделяешь общепринятую гомофобию?»

Почему мне интересно узнать об этом? Ты действительно очень талантлива, Мария. Тебя ждёт блестящее будущее в науке. Но любому учёному в его становлении прежде всего мешают не отсутствие финансирования и не происки завистников. Главный враг пытливого ума – зашоренное сознание.

Если ты попробуешь аргументированно доказать, что твоё неприятие гомосексуальных отношений – не просто эмоции, а трезвый подход, достойный истинного учёного, то я готов доказать тебе обратное. Что такие отношения ничем не отличаются от обычных, гетеросексуальных.

Подискутируем, коллега?»

– Аргументировать мою неприязнь к сексуальным меньшинствам? Глеб, да неужели ты к ним относишься ровно? Ты ведь такой необыкновенно хороший и всепонимающий. Как ты можешь задавать такие вопросы?

Но она тут же решила, что это просто способ продолжить общение. Вот такое неформальное, такое милое. И он сам такой милый...

Мария приняла его правила игры. Хочешь дискутировать? Будем. Я только за. С тобой – за.

Она села писать ответ.

«Глеб, я невероятно благодарна, что попробовал понять меня. Я не знаю, как выразить всё, что я думаю по этому поводу. Я так переживала, я ведь то письмо отправила сгоряча, чего только не передумала, у меня земля из-под ног уходила. А ты понял и поддержал, и сумел протянуть руку в самый-самый сложный момент. Спасибо тебе! Ты друг, самый лучший, наверно, друг. Потому что никто другой не рассудил бы так и не успокоил, не смог бы подобрать тех самых необходимых слов. Ни подруга, ни муж не смогли бы.

Да, с мужем был бы скандал, и может, мы даже бы и расстались. А теперь нет, я поняла, что надо поступать так, как говоришь ты. Тогда с холодным рассудком и не ссорясь, можно всё. Спасибо тебе за это. И спасибо за то, что ты случился в моей жизни, даже при таких не

очень радостных обстоятельствах!

Что касается предложенной тобой дискуссии, то, пожалуй, я соглашусь на неё и попробую доказать свою точку зрения.

Нет, у меня нет знакомых из области сексуальных меньшинств. Бог миловал. Я считаю их просто психически больными людьми. Да, я знаю, что российская психиатрия перешла на Международную классификацию болезней десятого пересмотра – МКБ-10, перестав с 1999 года признавать гомосексуальность в качестве психического заболевания. Это произошло спустя шесть лет после декриминализации в России мужских гомосексуальных отношений в мае 1993 года.

Но мне гораздо ближе труды итальянского психиатра Франческо Бруно, который считает, что геев, как и других психических больных, надо лечить. Просто методы лечения, применявшиеся ранее, не возымели должного эффекта по одной-единственной причине: они были не те. Но это совершенно не означает, что нужно искать новые. И кому, как ни тебе, учёному с мировым именем, возражать против этого.

Бруно – криминолог, психиатр, профессор, преподаватель в университетах в Салерно и La Sapienza в Риме. Согласись, с его мнением вполне можно считаться. Так вот, он говорит, что «Всемирная организация здравоохранения приняла решение не говорить о гомосексуальности как о болезни... но я не отступаю от своего мнения и не боюсь обвинений со стороны геев. Гомосексуальность – это отклонение от нормы». Эксперт отметил, что гомосексуалистами становятся по самым разным причинам, в том числе и по труднообъяснимым причинам природного характера. «С концептуальной точки зрения, гомосексуал оказывается в том же положении, что и инвалид, глухой или слепой... Геи иным образом ориентированы с точки зрения сексуальности, и эти отличия указывают на отклонения от нормы», – уверен психиатр. «Чрезмерная толерантность в отношении отклонений от нормы, а гомосексуальность следует воспринимать именно так, приводит к тому, что... люди перестают понимать, что хорошо, а что плохо».

Ещё я читала статью американских учёных, которые полагают, что обнаружили генетическую причину гомосексуализма. Согласно результатам исследования, у 25% женщин, которые имеют двух и более сыновей-геев, деятельность X-хромосом отличается от других.

В рамках исследования, учёные из Калифорнийского университета сравнили X-хромосомы у 103 матерей сыновей традиционной сексуальной ориентации и у 97 матерей геев. Выяснилось, что у женщин, имеющих более одного сына-гомосексуалиста, практически во всех клетках заблокированы X-хромосомы.

Специалисты считают, что одна из X-хромосом у женщин подавляет деятельность другой, таким образом, нарушение генетики родителей может сказаться на сексуальной ориентации их детей.

Что ты скажешь на мои доводы? Спорить, так спорить!!!»

Она ещё раз перечитала письмо, осталась жутко собой довольна, а ещё больше счастлива тем, что нашёлся так далеко и при таких странных обстоятельствах человек, готовый выслушать и понять. И будучи женщиной, она пустила его в своё сердце.

===== Какого чёрта я теперь творю?! =====

Отправив письмо Марии Говоровой, Глеб выключил ноутбук. Ещё не так поздно, чтобы всерьёз задумываться о сне, хотя бессонная ночь сказывалась. Вряд ли сейчас удастся заснуть, слишком много внутри задавленных эмоций – бессильной злости, обиды, даже

отчаяния.

Мама, светлая ей память, когда злилась на что-то, всегда хваталась за пылесос или тряпку, наводила такую чистоту в доме, что всё сверкало. Глеб усмехнулся. Попробовать мамин метод, что ли?

Неожиданно для себя, Поддубный увлёкся уборкой. В его квартире, оказывается, накопилось столько ненужного хлама! В большой пакет для мусора летели безделушки, купленные в совместных поездках с Игорем, книги, которые они читали вдвоём, туда же угодила обнаруженная в дальнем углу шкафа футболка бывшего, вот уж что следовало выбросить сто лет назад! Осколки разбитой ночью чашки шлёпнулись на мягкую ткань. И глухо стукнула по разбитому фарфору деревянная ваза – её тоже Игорь купил в какой-то сувенирной лавке... в Каире, кажется.

Последними в мусорный мешок попали обрывки их общей фотографии вместе с безжалостно разломанной рамкой.

В самом нижнем ящике стола Глебу на глаза попался маленький MP3-плеер с наушниками. Боже, сколько же времени прошло с тех пор, как Глеб Поддубный ходил по улице в наушниках и слушал музыку? С удовольствием поддавшись нахлынувшей ностальгии, Глеб разыскал мизинчиковую батарейку, вставил в плеер. С ума сойти... Группа «Браво», Валерий Сюткин, в улыбку которого он был так сладко, так безнадежно влюблён. То, что доктор прописал, чтобы заглушить собственные уже осточертевшие мысли.

Игорь никогда не понимал, как Глебу, с его немного снобскими аристократическими манерами, может нравиться такая музыка. Сам Игорь слушал только классическую музыку, изредка «опускаясь» до романсов. Вот кто настоящий сноб-то!

Теперь Глеб может сколько угодно слушать «Московский бит» и «Простых романтиков», и даже танцевать под них – никто его не упрекнёт, не назовёт его приземлённым и застрявшим в детстве. Никто! Свобода!

Наверное, соседи снизу недоумевали, почему нынешним вечером в обычно тихой квартире Поддубного стоит такой шум. Глеб, заткнув уши наушниками, азартно охотился за пылью, собирая её пылесосом с пола и салфетками с мебели. Ни одной пылинки, сохранившей воспоминания о бывшем любовнике, не должно остаться в доме. Ни одной вещи, которая может так или иначе напомнить об Игоре. Ничего. Хватит. Всё закончилось и точка.

До чего же приятно, оказывается, после такого нежданного танцевального марафона с тряпкой и пылесосом наперевес залезть под душ (а заодно сгрести с полки в ванной полупустые флаконы, бритву, зубную щётку, принадлежавшие бывшему, и отправить всё в тот же мусорный пакет). Права мама, ох как права! Помогает её метод. Злость, обида, тоска, измучившие Глеба, растворялись под струями горячей воды, утекали вместе с потом и пылью в слив душевой кабины. Туда им и дорога.

Устроившись под одеялом, Глеб вдруг подумал, что неплохо бы перед сном посмотреть какой-нибудь старый-старый фильм. Из тех времён, когда ещё жива была мама, и они часто вместе смотрели телевизор. Или ходили в кино. Не на закрытые показы фильмов-победителей Каннского кинофестиваля, как с Игорем, а на простецкие комедии и мелодрамы – мама очень любила такие вот простые весёлые фильмы с непременно счастливым финалом.

Включенный ноутбук мигнул оповещениями. Несколько новых писем ждали Глеба в его

почтовом ящике.

Ладно, пока выбранный фильм скачивается – Глеб не любил онлайн-просмотр, предпочитая выходить из сети, оставаясь наедине с выдуманной историей – можно проверить почту. Спам, скорее всего, но раз уж сегодня вечер глобальной уборки, надо и в виртуальном пространстве Поддубного навести порядок.

Торрент сработал на диво оперативно, но Глеб даже не заметил, что загрузка завершена. Три письма из пришедших на его почту действительно оказались спамом. А вот ещё два...

Одно – от Марии Говоровой. И второе – от Игоря.

Глеб никак не мог выбрать, какое из этих писем прочитать первым. Мейл от бывшего он вообще поначалу хотел удалить, не открывая. Но... Но.

«Прочитать»

«Глеб, здравствуй. Я понимаю, что ты обижен на меня. Но, согласись, мы же не чужие друг другу! Неужели тебе трудно просто порадоваться за меня? Ты же знаешь, как я мечтал о собственном сыне. Теперь у меня есть для чего жить, есть, к чему стремиться. Есть стимул работать – ты лучше всех знаешь, в каком депрессивном состоянии я был в последнее время из-за неудач в моей работе. Ты меня поддерживал в самые трудные моменты моей жизни, заставлял не опускать руки, если бы не ты, я бы уже давно всё бросил. Почему же ты не хочешь разделить со мной и радость? Пойми, то, что мы больше не вместе, не значит, что ты перестал быть для меня близким человеком. Мне не хватает тебя, Глеб. Не хватает наших споров, твоих ехидных и умных комментариев к моим статьям. Мы же можем остаться хотя бы друзьями? Ты сменил номер телефона, на кафедре тебя никогда не застать – то ты на лекции, то в лаборатории. То вообще уехал за границу. Я даже приезжал несколько раз, но меня не пустили, у вас там теперь пропускная система. Ты удалил свои аккаунты в соц.сетях – это из-за того, что ты не хочешь, чтобы я знал о твоей личной жизни? Да я буду только рад, если ты встретишь кого-то, с кем будешь счастлив! У меня остались фотографии с нашей последней поездки. Ты не хочешь их посмотреть? Замечательные морские пейзажи получились. Глеб, пожалуйста, давай не будем вести себя, как обиженные дети, мы же взрослые люди. Нам есть о чём поговорить и помимо нашего прошлого, правда? Я не считаю то, что было между нами, ошибкой. Я очень тебе благодарен за всё. Но эта страница закрыта, ты же понимаешь? Прошу тебя, не отказывай мне в своей дружбе. У меня никогда не было и не будет такого понимающего, такого близкого друга. Пожалуйста, ответь на это письмо. Я буду ждать».

Сигаретный пепел осыпался прямо на одеяло. Глеб чертыхнулся и смял дотлевшую до фильтра сигарету в пепельнице. Ведь только недавно сам себе клятву дал больше не курить в постели! Чёртов Игорь с его чёртовым письмом... Опять на душе погано.

О какой дружбе может идти речь, если Глеб до такой степени любил этого человека, что уже всерьёз готовился к переезду за границу? Поддубный был готов бросить всё – лабораторию, созданную им с нуля, целую научную группу из талантливых молодых учёных, занимающуюся исключительно его, Глеба, разработками. Он был готов пожертвовать делом всей своей жизни, до конца своих дней работать простым преподавателем биологии в каком-нибудь заштатном канадском колледже. В Канаде разрешены однополые браки, они с Игорем могли бы открыто жить вместе. Усыновили бы какого-нибудь осиротевшего ребёнка, воспитывали бы вместе. Чёрт, да Глеб уже подыскал риэлтора для продажи своей квартиры –

в элитном доме, в очень престижном районе города. Суммы, вырученной от продажи жилья, им бы хватило на то, чтобы сразу обзавестись небольшим уютным коттеджем, например, в пригороде Монреаля, Глеб специально искал информацию на канадских сайтах. Ну, не сразу в собственность, конечно. На первый взнос бы хватило, а дальше они бы заработали. Вместе. Они бы всё смогли, если бы были вместе.

Кто ж мог предположить, что Игорь вёл двойную игру – продолжая встречаться с Глебом, всюду крутил роман с женщиной. С очень умной, красивой, интересной женщиной, которая смогла дать Игорю то, что Глеб не смог бы дать при всём желании.

Уже год прошёл, как они расстались. Но сейчас Глебу было так же больно, как в тот день, когда Игорь ушёл из этой самой квартиры навсегда. Они поссорились, тогда они постоянно ссорились. Игорь сказал, что уходит. Глеб не стал его удерживать. Пусть уходит, всё равно вернётся, как уже возвращался столько раз.

Но Игорь не вернулся. Ни через день, ни через неделю. А потом Глеб от их общих знакомых узнал, что Игорь собирается жениться.

Именно тогда Глеб выбросил сим-карту из телефона, удалил личные страницы в сети, запретил секретарю давать кому бы то ни было свой новый номер телефона и с головой ушёл в работу. Результаты не замедлили себя ждать – талантливый учёный Поддубный медленно, но верно приобретал мировую известность. О его научной группе заговорили в высших академических кругах.

Так что Игоря стоит только поблагодарить, правда? За то, что вовремя исчез из жизни Глеба, не позволив тому разрушить блестящую карьеру в науке.

И научив быть разборчивым в личной жизни, никогда больше не смешивая физиологические потребности с чувствами.

Слово «физиология» почему-то навело Глеба на воспоминание о Марии, о её письме, похожем на крик отчаяния. Тоже ведь отчасти физиология – потребность любыми силами удержать рядом с собой и беспомощным ребёнком защитника, добытчика. Глеб невесело усмехнулся. Как провести грань между душой и телом? Как понять, ради чего стоит жить – ради продолжения рода или ради духовной общности? Кстати, Мария же написала ответ!

Глеб закрыл письмо Игоря, на которое всё это время продолжал бессмысленно пялиться, и принялся читать послание от Марии.

Так странно – когда Игорь написал ему «давай останемся друзьями», Глеба это взбесило. Но порывистое, искреннее признание Марии: «Ты друг, самый лучший, наверно, друг», неожиданно согрело душу. Такая непосредственная, такая открытая. Сколько тебе лет, девочка? Глеб набрал в браузере название медицинского института, в кафедральной клинике которого работала Говорова. На официальном сайте должны быть фотографии научных сотрудников.

С фотографии на Глеба смотрела симпатичная, действительно совсем ещё молодая женщина. Дата рождения не указана, но и без того понятно – между ними лет десять разницы, не меньше.

У неё нет знакомых «из области сексуальных меньшинств». «Бог миловал», как же это забавно! Никогда не общавшись с этими странными и стр-рашными голубыми дядьками и розовыми тётками, девочка решительно ставит им всем диагноз – психи! Ха-ха. Вот откуда в ней такая непримиримость? Родительские «табу»? Промывка мозгов, которой рьяно занимаются СМИ?

Ну что ж... Он сам хотел дискуссии. Раз Мария поддержала его затею, пусть их общение продолжится на этой волне.

«Дорогая Мария, здравствуй. Я рад, что тебе удалось взять себя в руки и не устраивать мужу скандал сразу же, не разобравшись во всём досконально. Когда поговоришь с ним, расскажи мне, что именно он тебе ответит – что это за фотографии, которые ты увидела в его почте, что за неясности с его работой. У меня есть некоторый опыт, как действовать в подобного рода ситуациях, думаю, я смогу тебе помочь советом.

Теперь перейдём к нашей дискуссии. Знаешь, я приятно удивлён тем, что ты не поленилась и прочитала труды Бруно! Очень спорные у него теории, кстати. Но не стану углубляться в тему, потому что это непременно уведёт нас с тобой в сторону от главного предмета нашего разговора.

Видишь ли, Мария, если ставить во главу угла любых отношений между людьми именно физиологический аспект, то есть инстинкт продолжения рода, тогда да, любые отклонения от нормы – тяга к представителям своего пола в их числе – однозначно неприемлемы. Но ты забываешь одну неоспоримую истину. Человек – не только тело, которое хочет плотских удовольствий и передачи своего генотипа потомкам. Это ещё и душа, которой присущи отличные от телесных предпочтения, и сердце, которому не прикажешь. Ты согласна?

Очень часто случается так, что люди одного пола искренне любят друг друга, не вступая в физический контакт – им он просто не нужен для осознания своего единства. Но как только к такой вот связи присоединяется желание обнять, поцеловать, доставить физическое наслаждение любимому человеку, моментально разражается скандал, грохочет гром, молнии сверкают – недопустимо! Постыдно! Грех! Но почему? Если хочется действительно только этого – чтобы твоему любимому человеку было хорошо и душой, и телом? Почему нельзя?

Думаю, ты понимаешь, что сейчас я рассуждаю только о высшем проявлении подобного влечения, о тех случаях, когда оно основано на истинных чувствах.

Кстати, те исследования американских учёных, на которые ты опираешься, чтобы доказать неприемлемость гомосексуальных связей, на самом деле доказывают ещё одно: подобного рода связи как раз нацелены на то, чтобы не растрчивать свой духовный потенциал на воспитание потомства, а целиком сосредоточить его на своём партнёре, помогая именно интеллектуальной и духовной составляющей человека развиваться в полной мере! Матушка-природа, лишая представителей сексуальных меньшинств возможности размножаться, таким образом даёт им карт-бланш для шлифовки именно что душ человеческих! Как тебе такой подход? Ведь ты не станешь спорить, что наличие души и её бессмертие – уже практически научно доказанный факт!

Ты можешь мне возразить, что без детей жизнь человека не имеет смысла. С точки зрения эволюции человека как вида – абсолютно с тобой согласен. Но ведь мы с тобой уже приняли предпосылку, что человек – не только тело, правда?

Это моё первое обоснование того, что гомосексуальные отношения имеют право на существование не меньше, чем гетеросексуальные. Интересно, какие ещё контрдоводы ты сможешь выдвинуть? Буду ждать твоего ответа, Мария».

Глеб поставил точку и уже собирался закрыть письмо. Конечно, он по большей части поддался желанию пофилософствовать – в отличие от Марии, опирающейся в своём неприятии на факты и авторитеты. Но это то, в чём он сам уверен. И теперь, когда представилась возможность обсудить свои принципы с женщиной, причём умной – почему

бы нет?

Глеб медлил, сам не понимая, почему не отправляет мейл. Ещё не всё сказал? Ещё что-то хочется добавить?

Если бы Мария Говорова сейчас увидела своего виртуального собеседника, она бы поразилась, насколько потерянное выражение лица Поддубного в этот момент напоминает её собственное – когда она, забывшись, выливая своё отчаяние в письмо совершенно незнакомому человеку.

«Мария, ты говоришь, что я помог тебе. Я не думаю, что ты сильно нуждалась в помощи – ты бы справилась и сама. Я просто оказался той жилеткой, в которую ушли твои слёзы, в нужное время и в нужном месте. Так что не благодари. Тем более что меня трудно назвать экспертом в делах протягивания руки помощи. Если честно, я сам ищу, кто бы мне помог. Вот скажи, как сказать некогда любимому человеку, что дружбы после окончательного и бесповоротного разрыва просто не может быть? Есть обиды, которых не прощают. Есть предательства, которые невозможно изжить до конца, невозможно понять и принять, ты согласна? Как донести это до сознания того, кто предал тебя? Как, какими словами сказать такому человеку, чтобы больше не лез в мою жизнь? Я боюсь сорваться, боюсь встретиться и не сдержаться, наговорить грубостей, но больше всего я боюсь поддаться и стать рабом этого человека, готовым на всё, лишь бы мне уделялась хотя бы кроха его внимания. Я очень этого боюсь, честное слово. Я всё ещё люблю этого человека. Не знаю, что мне делать, Мария».

Глеб, наверное, стёр бы последний абзац своего письма. Жаловаться он не любил, да и к чему Марии знать о его душевном надломе? Но очередная сигарета, дотлевшая до фильтра, обожгла Глебу пальцы. Пока он, ругаясь, вдавливал сигарету в уже опять почти полную пепельницу, неосторожным движением коснулся клавиатуры. И сохранённое письмо ушло адресату вместе с вырвавшимся помимо воли Глеба признанием в собственной беде.

===== И чего же мне так плохо?! =====

Не спалось. Они так и не поговорили. Саша пришел поздно, уставшим.

Конечно, уставшим, он отработал весь прошлый день, потом ночь, снова день, и приём в диагностическом. Ему не до разговоров, а тем более не до выяснения отношений. Пока ел, спросил – было ли письмо от Поддубного. Значит, помнил и волновался. Ответила, что было, что всё в порядке – пронесло. Он улыбнулся, поздравил, сходил в душ и лёг спать. Дочку просто поцеловал и не поговорил, не поиграл с ней. Устал. Просто сильно устал.

Мария почувствовала, что рада тому, что выяснение отношений отсрочено. Это очень хорошо, что не сегодня, завтра – пожалуй, а может...

Она сидела на кровати и смотрела на Сашу. Думала. Прокручивала в голове предстоящий разговор. А если он гей? Если тот мужчина на фотографии – тот, которого он любит?

Нет, не может быть. Как мужчина может любить мужчину?! Нет, даже если такое существует, то где-то далеко. Так далеко, что она и не видела такого никогда. Нет! Нет! Нет!

Только не Саша. Он любил её, только её. Ещё позавчера она была в этом уверена. Что изменилось? Она увидела эти дурацкие фотографии. Она была так возмущена, что даже не разглядела, кто был второй парень. Включила комп. Снова вошла в почту мужа. Она себя почти ненавидела. Никогда, она не позволяла себе влезать в его личное пространство, так же, как и он в её.

Она даже в кошелёк к нему никогда не заглядывала. Если нужно было разменять или попросить денег – несла ему кошелёк, чтобы он сам. А тут...

До чего же опустилась, рыскать в его почте в поисках компромата... Низко, подло, грязно... Фотографий не было. То есть ткнуть пальцем было не во что. Ещё скажет, что ей показалось. Чувство стыда и неловкости заполнили все её сознание. Сама для себя решила, что сказывается перенапряжение, до защиты оставались всего каких-то пару месяцев. Конечно, она устала, вот и крыша поехала от усталости.

Легла спать, но уснуть не получалось. А Саша спал...

Пристроилась сбоку, обняла его, провела рукой по небритой щеке, поцеловала.

– Машенька, я так устал... – он говорил сквозь сон, даже не открывая глаз, но говорил ласково, и обращался к ней, не к кому-нибудь, именно к ней.

– Спи, я просто рядом, – ответила и прижалась к нему ещё сильнее.

Нет, она не хочет ничего знать о тех фотографиях, их не было. Не было и всё. Надо вычеркнуть их из памяти, их даже в компьютере не осталось.

Она любит мужа, любит так, что готова простить. Если есть, что прощать. Вспомнила все шесть лет их брака. Как они жили? Чем? Гонка, сплошная гонка с самими собой. Всё время вперёд, всё время работа, много работы. Сколько времени они провели вдвоём, подле друг друга за эти годы? Считанные дни, которые можно по пальцам пересчитать. Где они были вместе и когда?

В зоопарке с дочерью. Это был такой праздник.

Она вспомнила, как молила Бога, чтобы этот день не кончался. Вспомнила Сашины глаза, которые смотрели на неё так тепло, с восторгом и трепетом одновременно. Потому что он любил её, однозначно любил.

А что ещё можно вспомнить? Первые пару месяцев в самом начале, которые провели в постели? И результат не заставил себя ждать, она забеременела. Вспомнила, как расстроилась тогда, ей предлагали науку, а случилась дочь.

Но Саша рассудил, что всё правильно: сначала ребёнок, а потом всё остальное.

Только это остальное вылилось в вечную пахоту. Ведь на содержание няни, которую взяли как только дочке исполнился год, нужны были деньги, чтобы она, Маша могла заниматься своей наукой. Вот откуда его дополнительные дежурства и работа в двух, а периодически и в трёх местах. Да и за детский сад нужно платить.

Так в чём она может его обвинять?! И может ли? Он делает для неё всё, а она? Да, конечно, она стирает и убирает, и обеды готовит. Но всё это такая рутина, жизнь где? Перекинуться парой фраз на работе и то работают они в разных отделениях. То есть общение сводится почти к нулю. Или дома за ужином. О чём они говорят? О работе, о тяжёлых или сложных больных, о коллегах и конфликтах. Вот и всё. Они даже в кукольный театр водят дочку по очереди.

Вот так любовь разбивается о быт. Вдребезги разбивается, потому что быт затягивает, засасывает и подменяет саму жизнь.

Решение пришло само собой – она не позволит.

Не позволит умереть любви. И вовсе не потому, что боится одиночества, хотя врёт – боится и одиночества тоже.

Но больше всего боится потерять Сашу. Она просто не может его потерять. По одной причине – она его любит. Настолько, что готова стерпеть всё.

Кажется, она совсем не права в своих мыслях, что-то её уносит вовсе не в ту сторону, она ищет оправданий, сама выступает адвокатом и обвинителем, готова к унижению и покорности, так не свойственных ей.

Надо спросить совета. Глеб, вот кто ей поможет, вот кто подскажет и поймёт.

Тихонечко, чтобы не потревожить Сашу, она выползла из кровати и открыла компьютер.

«Дорогой Глеб! Ты знаешь, я написала так и поняла, что ты действительно стал мне дорогим за то непродолжительное время, как мы общаемся.

Хочу снова просить твоей помощи, потому что заблудилась в трёх соснах и выхода найти никак не могу.

Скажешь, что снова я о себе любимой, да не настолько уж и любимой, но о себе. Нет, я не говорила с мужем о тех фотографиях, и похоже, что никогда не начну этого разговора, потому что боюсь услышать ответ, боюсь, что в его жизни есть ещё кто-то, кто живёт в его душе.

Я не верю, потому что не хочу верить. Я люблю его, понимаешь, люблю и готова закрыть глаза, готова ради своей любви получать хоть крохи внимания, довольствоваться огрызком от яблока, понимаешь?!

Осуждаешь, я знаю. Какая-то часть меня тоже осуждает, наверно, та самая часть, которая заложена воспитанием, гордостью, собственным я.

Я сегодня анализирую всю нашу с ним совместную жизнь и понимаю, что это просто гонки с препятствиями, что быт всё съел. Всё, понимаешь, абсолютно всё. Что любовь и чистые отношения были до замужества, когда мы были только друг для друга. Когда умели говорить и слушать. Когда могли обнажить друг перед другом души.

А теперь мы умеем только работать, жить ради великого «надо», чтобы вырастить дочь, чтобы защититься, чтобы купить, чтобы не хуже других, и мы сами потерялись во всём этом. Мы вместе и не вместе. Любовь, чувства, забота ушли и подменились чем-то другим, что мы делаем, казалось бы, ради той же любви и вроде заботимся, но это рутина, бездушная рутина. Понимаешь?!

Я не заметила, как мы перестали говорить друг с другом, как всё съел быт.

А я люблю его. Всё так же люблю. Вот и задаюсь вопросом – что я могу сделать ради любви? Отпустить точно не могу. По той же самой причине – люблю! Наверно, я эгоистка, наверно, любить нужно, отдавая, а я готова в ногах валяться и унижаться, только бы не бросил, потому что потеряв его, потеряюсь сама.

Кстати, насчёт дежурства он не соврал, он дежурил, подменял врача из другого отделения. Всё, чтобы заработать, чтобы для нас, понимаешь? Что же случилось? Как исправить всё, как вернуть чистоту?

Я понимаю, что и в неведении жить тоже нельзя. Этот червяк поселился и будет точить. Я стану осторожной и настороженной, я буду делать неправильные выводы. Вслед за которыми последуют необоснованные эмоции. Всё ведёт к разрушению...

А я не хочу, я ЛЮБЛЮ!!! Помоги мне, пожалуйста, помоги!»

Она даже не стала перечитывать письмо, а просто нажала на «отправить».

Потом выключила комп, как раз в тот момент, когда ей пришло письмо от Глеба. Но она не видела его.

Она прошла в ванную комнату, умылась, но слёзы было не остановить.

Снова вернулась в спальню, заглянув предварительно в комнату дочери и укрыв её одеялом, прижалась к мужу и прошептала ему в спину:

– Если бы ты знал, как я люблю тебя, Саша.

А он улыбался во сне.

===== Ты на самом деле хочешь быть огрызком от яблока?! =====

Утром, собираясь на работу, Глеб несколько раз споткнулся об огромный, набитый доверху мусорный мешок. Вчера не было никакого желания вытаскивать эту махину к мусоропроводу. А сегодня вчерашняя спонтанная генеральная уборка казалась жалкой попыткой отыгаться на ни в чём не повинных вещах. Будто выбросив их, Глеб избавится от воспоминаний и сожалений. Ну да, как же. Взгляд то и дело цеплялся за непривычную пустоту на столике рядом с диваном – фотография в рамке стояла там столько времени, что превратилась уже в элемент интерьера.

Окончательно разозлившись, Глеб задвинул столик в угол, чуть не сломав ему ножку. А мусорный мешок так и остался в прихожей – время поджимало.

На кафедре Глеба ждали проблемы. Секретарь не стал звонить ему прямо с утра на мобильный, пока шеф был за рулём. Понимал, что от таких новостей Глеб Олегович озвереет и, не ровен час, угодит в аварию. Поддубный действительно озверел. Последняя серия экспериментов его научной группы оказалась под угрозой срыва из-за задержки оборудования. Дополнительная проверка на таможне. Вот что за ересь, а? Какому идиоту в голову пришло, что биохимические анализаторы можно использовать для производства наркотических веществ?!

В результате вместо того, чтобы заниматься делом, Поддубный целый день мотался по инстанциям, вызванивал нужных знакомых, оформлял бумаги, писал пояснительные записки и на пальцах объяснял далёким от науки людям, что именно делается на этих злосчастных анализаторах. К вечеру Глеб выдохся, до ушей налился чёрной желчью и чувствовал себя таким же тупым, как толпа чиновников, с которыми пришлось общаться целый день.

Одно радовало – оборудование удалось отвоевать и завтра утром его доставят.

Уже подъезжая к дому, Глеб сообразил, что целый день провёл на кофе и сигаретах. Желудок немедленно заныл, требуя уделить внимание и ему. Интересно, а дома есть хоть какие-то продукты? Кажется, нет, Глеб уже отвык сам готовить, предпочитая питаться в кафе и ресторанах. Вот когда они встречались с Игорем, тот всё время что-то готовил, и вечерние посиделки на кухне были таким праздником. Поддубный в последний момент успел затормозить на красный свет и врезал кулаком по рулю. Игорь, Игорь, опять Игорь! Сколько можно!

Разворачиваться и ехать в «Мясной пир»? Помнится, с Игорем они там бывали довольно часто, отмечали всякие маленькие личные даты... Да что за напасть, он что, заиклился на воспоминаниях об этом предателе?! Глеб ненавидел материться, но сейчас не удержался. Заодно в первый раз в жизни опустил оконное стекло и прорычал что-то агрессивное в сторону попытавшейся подрезать его «Нивы-шевроле». Странно, стало легче. Водитель «Нивы» показал Глебу выставленный кверху средний палец и Поддубный расхохотался. Знал бы этот в меру упитанный мужичок средних лет, кому и что только что предложил!

Решено, никаких ресторанов. Супермаркет возле дома, мамина тетрадка с рецептами и роскошный ужин при свечах на одну персону. Замечательные планы на вечер после такого идиотского дня, правда?

Готовить по рецепту, записанному аккуратным маминым почерком, оказалось неожиданно легко. А когда Глеб догадался достать маленький МРЗ-шник и снова включить старые записи, стало совсем хорошо. Будто и не было полутора десятка лет, прошедших со дня маминой смерти, и Глебка Поддубный снова студент. И никакого Игоря тоже нет, и

никогда не было этой дурацкой великой любви к чёртову идиоту, не сумевшему её оценить. Свечей только в доме не нашлось, ну и наплевать.

Пока Глеб готовил, а потом торопливо ел, обжигая язык и губы, к нему пришло ясное понимание того, как нужно ответить на письмо бывшего.

Увидев новое послание от Марии, Глеб напрягся. Что она ответила на его просьбу о помощи? Пожалела? Женщинам свойственно жалеть всех подряд, особенно тех, кто не стоит и капельки их сочувствия.

Ответ Говоровой оказался совсем не таким, которого Глеб ожидал. Вот так номер, она даже не читала его мейл, что ли? И опять вся в расстроенных чувствах. И самое обидное – опять о своих проблемах, про начавшуюся между ними интересную дискуссию Говорова, кажется, забыла напрочь. Глупая девчонка! И это – учёный?! Да это истеричный клубок эмоций!

Поостыв и выкурив две сигареты подряд, Глеб перечитал письмо Марии. И внезапно понял, что это и есть ответ на его вопрос – как быть с тем, кто тебя предал? Точнее, не совсем ответ. Торопясь поймать ускользающую мысль, Поддубный защёлкал клавишами ноутбука.

«Маша, здравствуй. Думаю, на правах друга, я уже имею право так тебя называть, да? Во-первых, мне жаль, что ты не продолжаешь нашу с тобой дискуссию. Но ты сейчас немного не в том состоянии, я понимаю. И всё-таки надеюсь, что наш спор продолжится, мне интересно услышать твой ответ, и надеюсь, ты не поленишься снова почитать какие-нибудь учёные труды, чтобы опровергнуть мои предположения. Забавно спорить с классиками, знаешь ли. Особенно когда их цитирует искренне верящая им молодая женщина с не очень большим жизненным опытом. Да-да, это сарказм, и я рассчитываю, что это вызовет у тебя здоровую злость, Маша!

Теперь во-вторых и в главных. Опять же на правах друга, Маша! Ты можешь обижаться на меня, можешь даже побить, когда приедешь на защиту – я тебе это позволю. Только, умоляю, не при свидетелях, ты уронишь меня в глазах мировой общественности! (Здесь, наверное, нужен смайл-улыбка, как это принято у нынешней молодёжи, но я не умею их использовать, прости. В общем, ты поняла, что это шутка, да?) Однако в любой шутке всегда есть доля правды. Такая твоя реакция – обижаться, ругаться, драться – мне бы понравилась больше, чем то, что я увидел в твоём письме.

Какие ещё «огрызки от яблока»? Какое всепрощение, какое закрывание глаз?! Маша, ты пишешь, что любишь своего мужа – но это не любовь. Ты собираешься выжечь самую основу любви – доверие. Закрывая на всё глаза, ты в первую очередь предаёшь саму себя.

Ты настолько себя не любишь? Ты считаешь себя достойной только огрызков? Маша, я разочарован. Увидев твою скрупулёзность в научном плане, оценив твои способности к анализу и креативность мышления – кстати, пришли мне свою статью, хочу прочитать и написать рецензию, ты же не против? – так вот, оценив тебя прежде всего как научного сотрудника, я поражён этими твоими словами. Человеку, наделённому развитым интеллектом, нельзя так относиться к себе!

Ты говоришь, что вы перестали общаться, всё сводится к быту, к зарабатыванию денег – что вам мешает это изменить? Купив что-то, вы становитесь счастливее? Знаешь, Маша, я не из богатой семьи. То, что сейчас я часто выезжаю за границу – заслуга моей научной работы. Профессорская зарплата, конечно, не в пример выше заработков обычных врачей и научных

сотрудников. Но, знаешь, на что я её предпочитаю тратить? Не на одежду, чтобы подчеркнуть свой статус, хотя мне и приходится временами обновлять гардероб, я же лицо кафедры, как-никак. Не на престижные машины и технику, чтобы быть «не хуже остальных».

Я пробирки покупаю для своих лаборантов, Маша, а ещё устраиваю своей группе выезды на природу. Я очень люблю бывать в лесу, на озере. Мои ребята меня немного стесняются, поэтому обычно я только всё организовываю, а сам устраиваюсь подальше от них. А им говорю, что организовал всё профком. Они верят. И им весело. А мне просто хорошо, что я хоть так могу порадовать людей, практически заменивших мне семью.

Что вам с мужем мешает отказаться от дополнительных дежурств и в выходные, вместо того, чтобы покупать очередную новинку бытовой техники, просто гулять по парку? Ваши родители живы, надеюсь? Оставьте дочку бабушкам-дедушкам, погуляйте вдвоём. Верните себе то время, когда вы не были родителями, а были просто влюблёнными. Что, так сложно это сделать?

И поговори ты с ним уже наконец. Не бойся, если это окажется правдой. Нет такого понятия в биологии – абсолютная гетеросексуальность. Человек бисексуален, как и любой примат. Не веришь – дам ссылки на статьи так уважаемых тобой авторитетов. А то, что на фотографии твой муж обнимает и целует кого-то другого, не тебя, не значит ли того, что тот человек в твоём супруге видит прежде всего симпатичного ему другого человека, а не машину для зарабатывания денег и обеспечения всем необходимым ребёнка, а? Ты видишь в своём муже мужчину? Ты говоришь ему об этом?

Мужчинам надо всё время самоутверждаться. И тот способ, который выбрала ты – принимать как должное его загруженность на работе, оправдывая всё заботой о дочери – не самый лучший для него. Думаешь, родительские качества в мужчинах настолько же сильны, как в женщинах? Ты ошибаешься, Маша.

Если он изменяет тебе с женщиной, значит, в своём партнёре он нашёл то, что не нашёл в тебе. Возможность просто наслаждаться жизнью, не обременяя себя постоянной ответственностью. Ты так не думаешь?

Спорь со мной. Доказывай, что я не прав. Перестань бояться и люби себя, Маша! Никаких огрызков, поняла? Валяясь в ногах, ты ничего никому не докажешь, только свою зависимость. Ты не такая, правда же?

Прости, если был груб. Я пойму, если мы перейдём на чисто деловое общение в свете твоей будущей защиты. Хотя мне будет жаль, если ты после такой моей резкости перестанешь считать меня другом».

Перечитывать Глеб не стал. Он не Марии всё это писал. Он говорил это самому себе – потому что был уже готов точно так же валяться в ногах у Игоря. Письмо Говоровой словно показало Глебу, каким станет он сам, если не удержится и поддастся этому «не отказывай мне в своей дружбе».

Ни за что. Ни. За. Что.

Глеб отправил мейл Марии и открыл письмо Игоря. Теперь он точно знает, что нужно ответить. Только не в письменном виде.

«Игорь, давай встретимся. Назначь время и место, я подъеду».

===== Да катись ты, ещё другом назвался! =====

Вот если день начинается чёрт-те как, то ничего хорошего не жди.

То ли усталость от всяких дум сказала, то ли нервогрёпка и неопределенность достали, но по дороге в детский сад Мария подвернула ногу. Каблук сломался. А ей ещё идти

и идти. Не любила она материться, просто терпеть не могла, а тут выругалась.

– Мама, а плохие слова говорить нехорошо, – раздался голос дочери.

– А хромать без каблука нормально?!

Девочка пожалала плечами и скривила ротик (совсем как папа).

– Так незачем на каблуках ходить, я же не хожу.

Марии стало смешно.

– Посмотрю я на тебя лет так через десять.

В детском саду ждало новое разочарование – группу закрыли на карантин по краснухе.

Пришлось брать такси и ехать на работу вместе с дочерью.

Заведующий был недоволен. Мало того, что младший научный сотрудник кафедры

Говорова занимала целый стол и компьютер в его ординаторской, так ещё и ребёнок в отделении. Больным покой нужен, а дочь Марии не отличалась тихим характером.

Решила, что в обед сносит сапоги в ремонт: не так далеко, у магазина, есть сапожник, а до него как-нибудь в туфлях дойдёт. Правда, нога отекала в лодыжке и туфли тоже были неудобны. Надела тапочки. Позорище.

Оставить дочь в ординаторской и самой идти на обход не получилось. Та просто отказалась сидеть одна. Тогда решила отвести её на полдня к папе. Вот полдня он с ребёнком, а половину – она. Вечером же нужно будет поговорить с соседкой, у которой они периодически Анюту оставляли, когда ну совсем некуда. Платили ей, конечно, но оставляли хоть со спокойной душой.

Главное – продержаться день и сапог починить. Домой же в тапочках не пойдёшь.

Нога ныла. Аня радостно скакала рядом с хромающей матерью, пока они шли во вторую терапию.

В дверях столкнулась с медбратом, который нёс пробирки в лабораторию. Он был явно новеньким, но его лицо показалось Марии смутно знакомо.

Не обратила внимания и прошла прямо в ординаторскую.

– И кто это к нам пожаловал? – приветствовала ребёнка одна из врачей.

– Я тут сегодня работаю, – важно выпучив глаза, заявила Аня.

Тут вошёл Саша.

– Маша, Аня, что случилось?

– Папа, я с тобой сегодня буду!

– Вот оно и случилось, садик закрыт на карантин. Саш, делим родительские обязанности? Полдня с Аней ты, а полдня я. Семёныч злится.

– Понял, а с ногой что?

– Подвернула ногу, каблук сломала. В обед схожу, сдам в ремонт.

– В тапочках? Маша, не смейся. Мы с Аней ходим, – Александр подмигнул дочери.

– Папа, ты мне фо-нен-до-скоп дашь?

– Да. Аня, иди сюда, сядь на диван. Она ела, Маш?

– Догадайся с трёх раз. Я сейчас сбегаю в столовую и принесу.

– Сейчас ты тоже сядешь на диван и я посмотрю твою ногу, потом мы наложим тугую повязку. И тебе, вернее, твоей ноге, необходим покой. Поэтому ты перестанешь бегать и скакать, хотя бы сегодня. А ещё тебе нужен душевный покой, но об этом мы поговорим дома. Маша, я, может быть, согласен с тем, что ты гораздо способней меня, но не бери на себя всё. Понимаешь? Ты не одна живёшь.

Душу отпустило. Как камень огромный упал. Даже хромать в своё отделение с

перебинтованной ногой стало легче. Обход сделала, истории написала.

Открыла комп: надо отправить письмо рецензенту статьи. Время идёт, а он молчит. Вошла в почту. Там было письмо от Поддубного. Вчерашнее. Причём по времени её отправленное письмо и это входящее почти совпадали. Как она не увидела?

Прочла. Перечитала ещё раз. Затем ещё.

Нет, первая часть письма была логичной и призывала её продолжить разговор на не совсем научную тему, как ей казалось. Ну не стоят геи такого внимания! Хорошо, допустим, чисто теоретически она согласна с Глебом. Да, все мы люди и все человеки, и у каждого свои особенности. Хорошо, пусть себе любят друг друга, пусть. Она не против. Главное, чтобы её это все не касалось, или касалось вот так, чисто теоретически. Чтобы можно было просто поговорить с замечательным и очень умным человеком, с которым безумно приятно общаться и очень хочется общаться, и к которому тянет на каком-то подсознательном уровне.

Нет, он не прав, что не может протянуть руку помощи, он протянул.

Ещё как протянул. Только вот сам он ничем по большому счёту от неё не отличается. И если вопрос с Сашей всё ещё открыт, и предал он её или нет, так же остаётся загадкой, то вот его – Глеба – точно предали. И можно ли простить этого человека, то есть женщину, которая предала? Нет. Простить нельзя. Она бы никогда не простила предательства. Вычеркнула бы из своего сознания и из своей памяти всё, что с этим человеком связано! Только так, а не иначе! Какие же бабы подлые встречаются!!! Да ради такого как Глеб, можно всё, что угодно... Да за ним на каторгу пойти не грех! А она бросила его... А он её всё ещё любит... Вот это да!!! Глеб и его проблемы не шли из головы. Мария проклинала эту неизвестную ей тётку, которая настолько подло поступила с таким необыкновенным человеком. И как ему помочь? Как утешить, как подставить плечо и протянуть руку, чтобы ему было на что и на кого опереться?!

Конечно, она продолжит дискуссию. Ему это надо, так он говорит с ней, с Марией, и она нужна ему. Потому что она его друг, на все сто.

В обед зашёл Саша с Анютой принесли ей пюре с котлетой, сообщив, что сами уже поели в столовой. Взяли её сапоги и унесли в ремонт.

А она всё думала о Глебе. Думала, когда они вместе, втроём, вышли из больницы, и когда Саша поймал такси, помог ей устроиться с её больной ногой. Думала, когда Саша приготовил на всех незатейливый ужин, просто поджарив картошку. Но все поели, и всё было хорошо.

Они были вместе, втроём, и даже если ничего особенного не происходило, они всё равно были друг у друга.

Она уснула сразу после ужина, расслабилась и сон взял своё, снимая напряжение предыдущих дней.

Почувствовала легкие прикосновения, а потом тепло. Это Саша укутал её одеялом. Как было хорошо...

Проснулась от тишины. Кругом темно. Протянула руку и нашла плечо мужа.

– Я люблю тебя, Саша, – прошептала она.

Он услышал и ответил:

– Я тоже тебя люблю. Спи, Маша.

Но она выпалась. Во сколько завалилась-то? Часов в семь. А сейчас? Взяла в руки

сотовый. Всего час ночи. Не уснуть, теперь точно не уснуть. Встала и поплелась к компьютеру. Надо написать Глебу. А то так неудобно, такое письмо пропустила и не ответила... Ну что за невнимательная и несобранная особа – комок эмоций! Женщина, одним словом.

И так он хочет продолжения дискуссии. Сейчас она почитает...

Открыв почту, наткнулась на другое письмо. Опять от Глеба. Прочитала... Из глаз полились слёзы. За что он с ней так? Если за то, что время заняла, так мог бы вообще не писать ей, или сказать о субординации и всё. Она бы больше никогда, никогда не посмела даже обратиться к нему. А он её просто раскатал, причём на правах друга. Как же так, разве друзья так поступают?! Он унизил её, а не кто-то другой, и ещё говорит, что хочет, чтобы она разозлилась! Да она убить его готова!

Она начала писать ответ:

«Знаешь что, Глеб! Меня никто никогда так не унижал, как ты. Я тебе не тряпка, чтобы так со мной обращаться.

Да, может быть, я погорячилась, написав тебе о своих личных проблемах! Может, отняла у тебя время! Ты же безумно занятой человек, а тут снизошёл до какой-то аспирантки! Но это вовсе не означает, что я согласна довольствоваться огрызками от яблока.

Ты сам говоришь о бессмертной душе, которая имеет право на любовь, так почему ты решил растоптать мою душу, ещё и другом назвался?! Знаешь, почему ты хочешь дискутировать со мной? Ты пытаешься что-то доказать себе самому, совершенно не беря в расчёт мои эмоции и чувства. Отчего? Я поняла отчего. Тебя бросила твоя женщина. Она предала тебя, всего такого умного и неповторимого! А ты нашёл, на ком отыграться. Нет, ничего ты не знаешь о человеческой душе, и о любви ты ничего не знаешь. Мне не нужно ничего выяснять у мужа, чтобы понять, что он меня любит. Мне достаточно того, что я вижу, а вижу я заботу, внимание, тепло, которое согревает! А ты бежишь! Только скажи – от кого? От своих сотрудников, которым ты сам устраиваешь праздники, не участвуя в них? От женщины, которая сбежала от тебя? Может, это тебе нужно с ней поговорить?! Тебе выяснить?! Или ты бежишь от себя самого?! Потому что сам с собой не можешь смириться?! Чего ты добиваешься, обижая человека слабее тебя?! И кому ты писал последнее письмо?! Мне?! Или себе?! Ты прикрываешься дружбой, не зная, что это такое! Может, и я не знаю, но в отличие от тебя, я умею чувствовать! Тебя это злит?! Пусть. Посмотрите на себя со стороны, профессор, и поймите, кто Вы есть на самом деле. Не нужна мне Ваша рецензия. Я скорее откажусь от защиты, чем стерплю унижение. Поймите разницу, в конце концов, между добровольным унижением перед любимым человеком, и принудительным, когда каждая клеточка организма против! А дискуссия про геев Вам была нужна, только чтобы поговорить и не быть таким одиноким.

Боже мой, я весь день думала о Вас, и переживала за Вас! А Вы?!»

Она нажала «отправить» и долго плакала от обиды, а потом похромала в постель под бок к мужу.

===== Давай, добей меня! =====

Проклятый мусорный мешок, так и валявшийся в прихожей, прямо с утра сбил Глебу весь настрой – в прямом смысле. Поддубный споткнулся об него, не удержался на ногах, грохнулся на одно колено и вдобавок чувствительно приложился лбом об стену.

Это была первая ласточка дня, которому суждено было стать переломным для Глеба Олеговича Поддубного. Но в этот момент Глеб ещё не проникся сакральностью такого

предвестия. Знал бы, что будет дальше – поехал бы в травмпункт и взял справку, коленка-то распухла от ушиба. А потом не пошёл бы на работу, завалился бы спать, отключив телефон... Если б только знал!

Прихрамывающего шефа встретил секретарь. На этот раз без всяких неприятных новшеств, просто с расписанием дел на сегодня. Глеб мысленно вытер пот со лба и расслабился. Отсутствие новостей – самая хорошая новость. Как потом оказалось, расслабился Глеб рано. Потому что на этом хорошее закончилось.

На учёном совете профессора Поддубного поставили в известность, что для серии исследований, необходимых его научной группе, финансирование будет выделено только в конце года, и то если удастся выбить дополнительную дотацию из бюджета. Есть ещё один вариант для того, чтобы раздобыть денег – приостановить пока работу группы и всех специалистов, включая руководителя, подписать на циклы лекций. Кого куда – запросов много, оплата неплохая, и сами биохимики внакладе не останутся, и на продолжение тематической разработки вполне хватит.

Глеб не устроил скандал прямо на учёном совете только потому, что колено ныло просто адски, аж челюсти сводило. Как это уважаемое руководство себе представляет, интересно? Если сейчас бросить работу на полпути и разбежаться на заработки, данные устареют! Придётся заново перелопачивать горы и горы информации! И не факт, что молодые спецы, с таким трудом прикормленные, буквально за уши вытащенные из разных провинциальных колледжей и лабораторий, потом вернутся в группу Поддубного! Их же возьмут на преподавание в очень престижные вузы – а вдруг кто-то решит там остаться? Подпишет контракт на семестр, а потом вообще останется на постоянной основе! Снова носиться, высунув язык, в поисках талантливых самородков?! Да гори оно синим пламенем, такое решение вопросов финансирования!

Всё это Глеб, сумевший сдержаться на учёном совете, злым шёпотом высказал монитору рабочего компьютера, одно за другим открывая письма, переполнившие его почтовый ящик. Ответы из всяких официальных учреждений по поводу анализаторов. «В ответ на Ваш запрос за входящим номером...», «Доводим до Вашего сведения, что...», «Согласно инструкции, утверждённой...», – господи, конкретно-то что всё это значит?! Где опять застряло оборудование?!

Продравшись сквозь дебри канцеляризма, Глеб понял, что вчера переоценил быстродействие системы. Анализаторы привезут не сегодня, а в лучшем случае через неделю. И то, если повезёт.

Поддубный вызвал секретаря, попросил оповестить всех сотрудников об экстренном совещании через пятнадцать минут и закрыл почту.

Непрочитанными остались два письма в конце списка. От Марии Говоровой и от Игоря. Оба мейла отправлены глубокой ночью, вот же не спится людям! Глеб не стал их открывать. На работе Поддубный думал только о работе, и это давно уже стало непререкаемым законом.

Общее собрание научно-исследовательской группы под руководством профессора Поддубного превратилось в ожесточённый спор. Одна половина сотрудников ратовала за то, чтобы соглашаться на временный перерыв, вторая – протестовала, приводя те же аргументы, что и Глеб: потом всё придётся начинать с нуля. К согласию так и не пришли. Глеб дал всем неделю на размышления: пока не привезут анализаторы, всё равно работа стоит. Пусть думают, приводят в порядок уже накопленную статистику, дописывают отчёты. На этом

собрание закончилось и Глеб, стараясь не хромать, вернулся в свой кабинет.

До обеденного перерыва Поддубный занимался организационными вопросами, не поднимаясь с кресла. Даже сидеть было больно, колено распухло так, что брючина стала жать. На обед тоже не пошёл, попросил секретаря купить ему в институтском буфете кофе и какую-нибудь булку. Глеб терпеть не мог, когда что-то разлаживалось, будь то рабочий процесс или собственное тело. Сегодня, как назло, разладилось всё сразу. Надо было ехать в травмпункт, надо было! А по большому счёту – надо было просто выбросить этот чёртов мусорный пакет сразу же, не поддаваться иррациональному страху, будто выбрасываешь часть жизни. Тупая сентиментальность!

Колено ныло всё больше. Глеб решительно выключил компьютер, оставил секретарю записку на своём столе и поехал в травмпункт.

– Перелома мениска нет, сильный ушиб, гематома. Покой, компрессы, обезболивающие средства и потом на приём к хирургу в поликлинику, – дежурный травматолог протянул Поддубному рецептурные бланки. – Вот, это купите в аптеке, используйте по инструкции.

Глеб не смог зайти в аптеку рядом с травмпунктом. Там были слишком высокие ступеньки для его негнувшегося от повязки колена. А пандуса не оказалось. И это называется заботой о населении?! К злости на таможенных чинуш, запарывающих его работу, присоединилась злость на власть предрежащих в родном городе. Никакого толку от них, только обещаниями кормят! Говорите, согласиться на цикл лекций? Да хоть сейчас! И свалить за границу с концами! Поддубного везде ждут! И в Штатах, и в Европе, даже в Австралии! К чёрту! Уехать и послать всё к чёрту!

Мусорный мешок так и возвышался на пороге. Еды в доме опять не было – что купил вчера, сразу съел, в магазин не заехал. Глеб прямо в пальто и ботинках прошёл в комнату, завалился на диван. Как всё паршиво, а? Как же всё паршиво-то, а?!

Загудел мобильный. Глеб вытянул смарт из кармана пальто. Секретарь. Что-то срочное? – Глеб Олегович, к вам пришёл посетитель, Находкин Игорь Алексеевич, с допуском от ректора. Говорит, что это срочно, очень просил вам сообщить.

– Где он, Дима?

– Здесь, рядом со мной.

– Передай ему трубку, пожалуйста.

Глеб не был готов к такого рода ответу на своё согласие встретиться и поговорить с Игорем. Особенно сегодня, чёрт возьми! Не сейчас, не сегодня, когда ему так больно и так паршиво на душе! Нет, а каков Игорь-то, а? Как он до ректора умудрился добраться?

– Глеб... Олегович, здравствуйте. Можете уделить мне буквально несколько минут? Вы ещё придёте на работу? Я дождусь.

– Игорь, я дома. Я болен. Давай позже.

– Я сейчас приеду.

– Не надо! – Глеб почти прорычал последние слова, но Игорь уже положил трубку.

Трижды чёрт! Только этого не хватало – чтобы бывший увидел его в таком состоянии, расклеившегося, хромого! Что за день сегодня, а?!

Звонок в дверь застал Глеба на полпути между диваном и прихожей, куда тот ковылял, чтобы хотя бы снять уличную одежду. Так быстро? Да нет, Игорю по любому добираться от института до дома Поддубного минут сорок. Кого там ещё могло принести так некстати?

За дверь оказался какой-то смутно знакомый молодой парень. Глеб в хмуром молчании уставился на нежданного гостя, не спеша с приветствием. А тот вдруг жарко покраснел и так же молча протянул Поддубному белый пакет-майку.

– Что это?

– Ваш кофе и горячие бутерброды. Только всё уже, наверное, остыло, простите.

– Что?..

– Вы попросили вашего секретаря... Дмитрия... чтобы он вам купил. А ему некогда было, он мне велел сходить. В буфете кофе закончился, а я пока до кафе бегал, вы уже уехали.

– Так, стоп. Вы вообще кто?

– Младший лаборант с вашей кафедры. Я недавно устроился.

– Я вас откуда-то знаю, молодой человек. Учились у меня?

– А вы совсем меня не помните, Глеб Олегович? – гость, ещё больше покраснев, поднял на Поддубного глаза. И Глеб вспомнил. Это тот самый студент, единственный из «ночных мальчишек», оставшийся с ним до утра. Тот самый, которого Глеб оттолкнул и равнодушно запер за ним дверь, когда мальчишка выскочил из квартиры, давась слезами.

– Какого чёрта?! Преследуешь меня? Что тебе нужно? Для чего устроился на кафедру? Шантажировать собрался?!

– Да как вы... Да как вы могли такое подумать! – голос у гостя сорвался от возмущения. Он больше не смущался, глаза засверкали. – Мне бы и в голову не пришло! Просто я...

– Что – просто ты?

– Я люблю вас! – выкрикнул студент, и по всему подъезду отозвалось гулкое эхо. – Я вас просто люблю, понимаете? – уже тише добавил он.

Глеб схватил гостя за руку и затащил в прихожую. Вот только соседей не хватало повеселить бесплатным цирком с клоунами! Тот не сопротивлялся. Глеб забрал пакет, поискал глазами, куда пристроить, и водрузил на мусорный мешок сверху.

– Как тебя зовут?

– Леонид... Лёня.

– Послушай меня, Леонид. Ты что-то себе напридумывал и сам в это поверил, ясно? Тогда, со мной – это же в первый раз у тебя было с женщиной? Ладно, не отпирайся, я же понял, что в первый. Так вот. Это не твоё. Просто забудь и живи нормальной жизнью. Не бывает никакой любви, особенно между мужиками, ясно тебе? Нет её. Ты слушаешь?

– Вы ничего не понимаете, Глеб Олегович... – Лёня больше не опускал глаз. – Вы испугались, что я буду к вам лезть, жизнь портить? Не бойтесь. Мне от вас ничего не нужно, я знаю, что я вам не пара. Мне хватает того, что я теперь вас могу видеть – каждый раз, когда прихожу на работу. Понимаете? Мне этого достаточно, Глеб Олегович. Я пойду. Простите, что побеспокоил. Больше такого не повторится.

Глеб не знал, что сказать. Поддубный ведь на самом деле испугался, что мальчишка сейчас начнёт истерить, что-то требовать у него, чего-то добиваться. Но к такому повороту событий Глеб не был готов.

– Постой...

– Да?

– Раз ты... раз уж ты теперь работаешь на нашей кафедре, можешь помочь? Я потом попрошу Дмитрия дописать тебе рабочие часы на оплату.

– Хорошо. Что нужно сделать? – Лёня, кажется, обрадовался, что появился повод ещё

немного побыть рядом с Поддубным, даже слегка улыбнулся.

– Дотащи вот этот хлам до мусоропровода. И вот, это надо купить в аптеке, – Глеб вытащил из внутреннего кармана пальто рецепты. – Сейчас деньги достану, подожди немного.

– Не надо денег, у меня есть! – Лёня сгрузил пакет с продуктами на пол и так лихо подхватил огромный мусорный мешок, что полиэтилен чуть не разорвался от рывка. – Я быстро!

Глеб не успел ничего возразить. Входная дверь хлопнула и оставила Поддубного в одиночестве – в наконец-то освободившейся прихожей.

Игорь приехал раньше, чем Глеб ожидал – буквально через десять минут после ухода Лёни. И нетерпеливо названивал в дверь, пока Глеб хромал в прихожую с кухни.

– Привет, Глеб. Можно войти?

– Входи. На кухне поговорим, если не возражаешь.

Игорь был всё таким же, каким его помнил Глеб. Красивым, худым, с обаятельной улыбкой. Одежда только другая. Намного более дорогая, чем его прежняя.

– Ты сказал, что болен. Простудился?

– Колено повредил.

– Упал? Да, скользко на улице. Что ж ты как неосторожно? В твоём возрасте уже не солидно бегать по гололёду вприпрыжку.

– Ты так рвался встретиться со мной именно сейчас, чтобы напомнить мне, что я уже старик? – Глеб медленно закипал, глядя на бывшего. – Можешь не напрягаться, я в курсе!

– Ну-ну, не переживай так. Ты прекрасно выглядишь... для своего возраста, – Игорь проказливо улыбнулся, намекая, что это просто игра, но у Глеба не было никакого настроения поддерживать его шутки.

– Игорь! Если ты помнишь, это ты меня попросил о встрече. Я тебя оставил в покое и в друзья не набиваюсь... как некоторые. Прекрати мусолить мой возраст и говори, что тебе от меня нужно. Кстати, как ты вышел на нашего ректора?

– Через жену, – Игорь усмехнулся, и Глеб поморщился – взгляд у бывшего тоже изменился, оказывается. Циничным стал и холодным. – У Ирины много клиентов в её маникюрном салоне. В том числе и жена вашего ректора.

– Что ж только сейчас, через год решил использовать связи супруги?

– А я только сейчас понял, что ты мне всё-таки очень нужен, Глеб.

– Чтобы исправлять орфографические ошибки в твоих статьях?

– В том числе. Глеб... – Игорь протянул руку через кухонный стол, разделявший их, попытался дотронуться до щеки Поддубного. Тот отдернул голову. – Перестань шараться от меня. Я год пытался тебя забыть. Но не могу. Пожалуйста, давай попробуем ещё раз, заново.

– Ты женат. У тебя есть сын.

– Все так живут, Глеб. С кем-то в браке, с кем-то – для души.

– Я не все.

– Ты прав. Ты особенный... – Игорь снова протянул руку. На этот раз Глеб не стал отодвигаться. Как Мария сказала в своём мейле? Согласна даже на яблочные огрызки? Похоже, теперь Глеб начинает её понимать...

– Я же знаю, что ты не забыл меня, Глеб. Никто не узнает, мы будем осторожны. Ты же

хочешь этого, Глеб... Скажи, что ты хочешь, чтобы мы снова встречались. Тебе ведь уже поздно искать приключений, правда? И мне тоже не стоит. Мы знаем друг друга так долго, нам всегда было так хорошо вместе. Тебе же нужен тот, кто будет рядом, когда тебе плохо... кто будет заботиться о тебе...

Глебу казалось, что весь этот трудный год, прожитый без Игоря, исчезает. Любимый человек снова рядом, совсем близко, и это так прекрасно...

– Простите! – звонкий голос, неожиданно прозвучавший за спиной Игоря, заставил того отдернуть руку от щеки Глеба, а сам Поддубный привстал со стула. – Дверь открытая, я не стал звонить... Вот, я всё купил!

– Это кто? – Игорь разглядывал Лёню с плохо скрытым раздражением. А Лёня в ответ разглядывал Игоря.

Поддубному хватило нескольких мгновений этого молчаливого поединка взглядов, чтобы стряхнуть с себя наваждение. Игорь женат и у него ребёнок. Каждый раз, когда они будут вместе, его семья будет стоять между ними. И женщина по имени Ирина – почему-то она вдруг показалась Глебу похожей на Марию Говорову с фотографии – будет гадать, где её муж. И плакать.

– Это Лёня. Лёня, это Игорь, мой бывший... друг. И он уже уходит. Правда, Игорь? Спасибо, что навестил. Рад, что у тебя родился такой прекрасный ребёнок. Передавай привет жене.

– И давно ты... с ним? – Игорь уже не скрывал своей злости. Глеб наконец-то сумел подняться на ноги, протянул руку. Догадливый Лёня немедленно шагнул ближе к Поддубному и позволил его протянутой руке обхватить себя за плечи – будто так и надо.

– А сразу же, как ты избавил меня от своего присутствия. И мой мальчик ни разу не жаловался, что я для него староват. Правда, малыш?

– Ни разу! – Глебу показалось, что этот мальчишка прямо сейчас покажет Игорю язык – вот нахалёнок, а?

– Что ж, тогда... Ты прав, Глеб. Я уйду. Смотри, не пожалей о своём... слишком поспешном решении.

– Не пожалею. Всего тебе наилучшего, Игорь.

Хлопнула дверь. Точно так же, как год назад. Тогда Глеб точно так же остался стоять на кухне. Даже время совпадало – ранний вечер.

Только в этот раз Глеб стоял на кухне не один. Лёня не торопился сбрасывать руку Поддубного со своих плеч. Будто чувствовал, что Глебу тяжело стоять прямо с его ушибленным коленом.

Само собой, младшего кафедрального лаборанта Глеб выпроводил почти сразу же вслед за Игорем. Заглянул в чек из аптеки, попытался заставить взять деньги – лекарства оказались не такими уж дешёвыми. Лёня снова отказался, торопливо пробормотал «До свидания!» и выскочил из квартиры Поддубного. Ничего, Глеб лично зайдёт в бухгалтерию и попросит перевести со своей зарплаты сумму с чека на карточку Лёни. Глеб Поддубный привык рассчитывать со своими долгами.

Думать и анализировать не хотелось. Ничего не хотелось, даже есть. Ноющая боль в колене после таблетки приутихла, и Глеба потянуло в сон.

Осталось ещё одно дело, с которым не стоило тянуть. Письмо Марии. Сама о том не подозревая, она помогла сегодня Глебу поставить окончательную точку в его затянувшемся

душевном раздрае.

Болезнь ещё будет. И воспоминания будут накатывать, хотя в квартире Поддубного уже не осталось вещей, напоминающих об Игоре. Но, кажется, ему всё-таки удастся обойтись без яблочных огрызков, да, Маша?

Улыбаясь от мыслей о непосредственной и чистой душой девочке, Глеб открыл мейл, полученный от Говоровой. Прочитал. И не перестал улыбаться. После всего случившегося с ним, злая отповедь Марии была самым закономерным завершением этого сумасшедшего дня.

«Дорогая Мария! Я пока не буду переходить обратно на «вы», хорошо? Всё, что я сейчас скажу, относится не к младшему научному сотруднику Марии Говоровой, у которой я буду оппонентом на защите диссертации, а к моему другу – пусть наша дружба продлилась недолго и завершается не очень удачно.

Ты во многом права, Маша. А я – нет.

Прежде всего ты права в том, что писал я не тебе. Я спорил с собой, с общественным мнением, с человеком, сделавшим мне больно – а на тебя пришёлся основной удар моих обвинений. Я был недопустимо резок и груб. Мне стыдно, честное слово.

Но кое-чего полезного я всё-таки добился, Маша. Ты разозлилась на меня и готова драться за свою любовь. Не сбивайся с этого настроения. Докажи мне, старому цинику, что любовь есть и наступать на горло своей гордости ради того, чтобы её сохранить – правильно. Я буду рад, если у тебя всё получится.

Сегодня я встретился с двумя людьми. Один предложил мне довольствоваться яблочными огрызками своей жизни (твоё меткое выражение всё никак не идёт у меня из головы!), другой сам готов подбирать крохи моего внимания, не требуя большего. Знаешь, я отказался и от первого, и от второго. Наверное, когда-нибудь я смогу собой гордиться. Сегодня я слишком устал, чтобы что-то чувствовать.

Я был неправ, осуждая тебя и твоего мужа за трудоголизм. Вы вдвоём растите ребёнка, стараясь обеспечить его самым лучшим. Мне вспомнилась моя мама, работавшая на двух работах, чтобы у меня было всё не хуже, чем у моих одноклассников. Раз вы выбрали такой путь в жизни – только вам решать, правильный он или нет. Осуждать я не вправе. Рассудит время. (Но прогуляться вдвоём в парке всё же попробуйте! Здесь должен стоять смайл-улыбка).

Мария, спасибо, что своим неожиданным письмом перетряхнула мне душу, заставила думать, злиться и решать собственные проблемы. Наша дискуссия о гомо- и гетеросексуальных отношениях так и осталась незавершённой – ну и пусть. Я выяснил для себя главное. Проблемы одни и те же у любой пары людей, будь то М+Ж или М+М (не могу сказать про Ж+Ж, думаю, женщинам проще найти между собой общий язык, им же не надо доказывать, кто круче. Здесь опять стоит смайл-улыбка).

Не настаиваю на том, чтобы писать рецензию на твою статью. Но учти, если рецензентом идёт Самойлов, он придирается к текстовой части – не допускай сокращений и полностью прописывай в списке литературы фамилии и имена авторов.

Буду ждать личной встречи с тобой на защите. То, что мы неформально общались и ты в буквальном смысле слова наехала на меня (и тут тоже смайл-улыбка) никак не повлияет на мою непредвзятость в отношении тебя, как специалиста.

Пожалуйста, будь сильной. Очень благодарен тебе за всё».

«Отправить»

Мейл от Игоря Глеб удалил, не открывая. Всё закончилось. На этот раз – действительно всё.

===== Ой, кажется, я выросла! =====

– Маш, надо поговорить, – Саша пил свой утренний кофе.

– Надо, очень надо. Когда?

– Может, по дороге на работу?

– Саш, ответь мне только на один вопрос: я могу тебе верить?

– Да, однозначно можешь. Я никогда не обманывал тебя. Просто не посвящал в то, что было до...

– Так оно было до?!

– Да, я расскажу.

– Хорошо, но не сейчас. Сегодня у меня встреча с Самойловым.

– Переживаешь?

– Уже нет. Просто немного напряжена, я видела его мельком и всегда издалека как-то.

А тут один на один.

– Он член диссертационного совета. И потом, если ты не собираешься и дальше сидеть в младших научных сотрудниках, то тебе нужно думать, как показаться ему с выгодной стороны, чтобы он в дальнейшем предложил тебе работу.

– Только не он.

– Почему? Поддубный лучше?

– Во-первых, я написала Глебу просто жуткое письмо. Во-вторых, он в другом городе. В-третьих, я не думаю, что он вообще будет общаться со мной после всего. Хотя да, он в тысячу раз лучше.

– Объяснишь?

– Саша, только потому, что я доверяю тебе и знаю, что ты никому и никогда не расскажешь. Самойлов мой отец.

– Я это знал. Мне твоя мама рассказала.

– Саша, почему мы не говорим друг с другом?

– Некогда, времени на такие мелочи, как общение, не остаётся. Но я тебя люблю.

– Я знаю, в этом я никогда не сомневалась. Просто жизнь идёт, и время всё вперёд и вперёд, молодость ушла почти, а мы живём и не замечаем. Так жизнь и совсем уйдёт, вспомнить будет нечего. Может, пора остановиться?

– Жить на что будем? Философия – это хорошо и замечательно, да и разговоры тоже, только кушать хочется каждый день, и, заметь, не только мне. И защита твоя в копеечку обойдётся, один банкет в ресторане сколько будет стоить..

– Вот и я думаю, что у нас с тобой всё не как надо. Да и что потом, после защиты? Перспектив-то нет. Может, уедем?

– Куда? Где-то есть перспектива?

Разговор так и не завершился, потому что проснулась дочь. Потом не хотела умываться, потом канючила за столом, пока ела кашу.

Наконец её сдали соседке, пообещав забрать не позже шести.

Нога болела. Идти пришлось на каблуках, как-никак к самому Самойлову сегодня на приём записана. И хочешь не хочешь, а надо выглядеть респектабельно.

По дороге на работу молчали, только шли, держась за руки.

Он проводил её до отделения, сказав, что позже зайдёт.

А она нервничала.

Ей везло, с Самойловым она никогда один на один не оставалась. Да даже если бы и осталась, о её существовании он не знал. То есть о младшем научном сотруднике Говоровой знал, а о дочери Маше даже и предположить не мог.

Мать Маши была когда-то лаборанткой на его кафедре. Молоденькая, только после института, да и он тогда ещё доцент был, совсем не старый. Как между ними завязался роман, и на что оба рассчитывали – сказать трудно. Он женатый человек, она... Она была влюблена. А потом просто ушла, ничего не объясняя. Как говорила много позже – чтобы сохранить ребёнка. Он бы никогда не позволил ей родить. А так на свет появилась Маша. Сначала бабушка помогала с внучкой, потом, когда её не стало, они сами.

Как-то шли по улице, Маше лет десять было, и наткнулись на Самойлова.

Он же просто прошёл мимо. А мама расплакалась и всё рассказала Маше. И как любила, и как ушла, и что он, а ни кто-то другой – второй Машин родитель.

Вот тогда-то у девочки появилась цель: она решила, что переплюнет отца в науке, а потом придёт и скажет, кто она. А он удивится, обрадуется и гордиться ею будет. Другого сценария её детский ум не рассматривал. Только обрадуется и только гордиться станет.

После школы с отличием встал выбор между биофаком и медом.

Выбрала медицинский и училась, так училась, что всем на зависть только. Никто и не подозревал, что целью у этой очень симпатичной девушки была вовсе не карьера, а отец.

Мама болела последние годы, и пятый, и шестой курс. Всё началось с гриппа, казалось бы, такого обычного и практически безопасного, как всегда перенесённого на ногах, а закончилось миокардитом.

Причём и миокардит выявили достаточно поздно, когда уже развилась сердечная недостаточность. Мама лежала в терапии и умерла в терапии на руках у своего лечащего врача. Она много говорила с ним, рассказывала всё о себе и об единственной дочери, а он слушал, внимательно впитывая каждое слово. Она просила позаботиться о её девочке, он же обещал, потому что понимал, что уже любит...

Он был тем человеком, который принёс самую горькую весть Маше. И тем, у кого она плакала на груди, изливая горе. Он был тем, кто подставил свои руки вместо материнских, кто взял на себя заботу и кто вёл её к воплощению мечты.

Она никогда не сомневалась в нём. Никогда, до той ночи...

Ровно в два она стояла у кабинета Самойлова. Он опаздывал с обеда. Секретарша очень оценивающе осматривала её. Это было неприятно.

Маша любила, когда в ней видят личность, а вовсе не то, как она выглядит. Хотя она старалась.

Ждать пришлось около часа.

Он не извинился за опоздание, а просто пригласил её в кабинет. Пролистал бумаги, прочёл лишь выводы.

– Мария Викторовна, давайте начистоту. У вас хорошо выполнена работа, но я не верю женщине в науке. Я напишу рецензию на вашу последнюю статью, но поймите, перспективы у вас нет. Вы хотите после защиты работать под моим началом? Вы рассчитываете на профессиональный рост? Бросьте. Ваше дело – детей рожать. Неужели ваши мама с папой не

потрудились объяснить вам, в чём предназначение женщины?

– Объяснили, особенно отец.

– Тогда о чём речь? Нет, конечно, ваш труд должен быть вознаграждён и кандидатом наук вы всё же будете, но... Милая моя, я же вам добра желаю.

– Я поняла, спасибо.

Маша вышла из кабинета, стараясь не хромать. И спиной чувствовала взгляд. Было ужасно противно. И мерзко.

Всю свою жизнь она мечтала, чтобы он оценил её как учёного и гордился, а он изначально уверен, что женщина – значит, курица или кошка, способная лишь к воспроизведению потомства.

Возвращаться на работу не было никакого смысла.

Рабочий день закончился, а на душе скребли кошки.

Достала телефон и набрала номер мужа.

– Саш, я тут у кафе «Венеция». Подходи, поговорим под спагетти.

Он пришёл довольно скоро. В руках была роза.

– Это мне?

– Да. Я вдруг подумал, что никогда не дарил тебе цветы.

– Спасибо! – она поцеловала его, сначала просто в щёку, но он не отпускал.

Со стороны могло показаться, что это молодые влюблённые, но никак не муж с женой, прожившие вместе шесть лет.

А её отпустило, камень упал с души, и дышать и жить стало легче. Мир расцвёл, пусть в эту холодную промозглую погоду, но приобрёл цвета, краски. Она освободилась. Теперь уже точно и навсегда. Она больше не стремилась к любви отца, она забыла о предрассудках. Они сидели и ели пиццу, спагетти не хотелось.

– Расскажешь?

– Сначала ты.

– Он мудака.

– Что? Ты о профессоре Самойлове? – он не мог удержаться от восхищения и смеха.

– Да, но это так здорово. Понимаешь, я не хочу его любви, я свободна от него. Я не хочу, чтобы он мной гордился, я не хочу его покровительства, я видеть его больше не хочу.

– Значит, я обрёл полноценную жену.

– Ты тоже считаешь, что женщина и наука несовместимы?

– Нет, Маша. Я считаю, что его тень больше не будет жить в нашем доме. Я все годы с тобой старался создать тебе условия для работы. Наверно, не потому, что это твоя блажь, а потому, что ты достойна.

– Саша, давай вернёмся к тем фотографиям.

– Давай. Я не был девственником до тебя. У меня были и женщины, и мужчины. Тебе нужны подробности?

– Нет. С меня достаточно.

Они вместе шли домой, никуда не торопясь и ни о чём плохом не думая.

Тени прошлого остались где-то там... А здесь и сейчас начиналась новая жизнь...

Как же прав был Глеб, как прав.

Он был другом. Единственным настоящим другом. Она так виновата перед ним.

Но ничего, всё в жизни поправимо, пока живы все.

Не зря Господь свёл их, не зря она буквально наехала на него, а он оказался таким

замечательным человеком.

И именно он видел в ней человека, видел личность. Сейчас дома, в первую очередь она напишет ему. Повинится, и он простит, потому что друг, а друзья всегда прощают – на то они и друзья.

Он же реальный, не призрачный. Да, и про сексуальные меньшинства надо почитать, и будет она с ним спорить, хотя она уже не была настроена на спор.

Нет предпочтений одних людей над другими, есть просто люди. А каждый человек индивидуален.

И наверно, не ей судить, кого любить правильно, а кого нет. Главное – любить и быть любимыми.

Она рассмеялась.

– Что, Маша?

– Нет, ничего. Просто подумала, что ещё неделю назад я была совсем другой.

Пришлось доплатить соседке за дополнительное время с Анечкой. Весь оставшийся вечер они играли втроём с ребенком.

А потом она наконец включила комп.

Она читала мейл от Глеба, улыбалась и плакала. Плакала от переполнявших её чувств. Потому что он действительно стал родным и близким.

Пальцы сами застучали по клавиатуре, печатая ответ:

«Прости меня, пожалуйста! Хорошо?

Я была тогда сама не своя. Я не имела права.

Ты не поверишь, сегодня произошло так много всего. Но всё к лучшему. Я выросла.

Детство закончилось, вместе с мечтами и глупыми идеями.

Я поняла, что доказывать что-то важное надо не кому-то, а самой себе. Я всю жизнь старалась быть лучшей, чтобы мой отец меня оценил. Я мечтала, понимаешь, Глеб?! Я жила этими мечтами, я думала, что он будет мной гордиться. Сегодня я встретила с ним впервые с глазу на глаз.

А он высказался, что женщина и наука несовместимы. Что моё дело детей рожать. И мне стало стыдно, что он мой отец.

А потом будто и не было всех лет ожидания встречи с ним. Я стяхнула груз, который несла все годы своей жизни, и я готова идти дальше.

Кстати, буду признательна, если ты всё-таки посмотришь мою статью. Самойлова не хочу видеть рецензентом.

С мужем мы поговорили, ты и тут был прав, он бисексуален, хотя всё это в прошлом, это было до меня. А я не имею права судить то, что было до.

Что касается дискуссии, которую мы начали. Её можно продолжать, а можно найти другую тему. Я потеряла свою категоричность. Я просто считаю, что каждый должен быть достоин той любви, которая ему выпадает.

Ещё раз прости, что вот так ворвалась в твою жизнь. Но я рада, что это случилось. Видимо, Господь решил, что мне очень нужна родная душа и послал тебя.

Спасибо за всё! Пиши, не пропадай, ты мне очень нужен!»

===== Не ведал, не гадал – где найду, что потерял... =====

С утра ушибленное колено ныло так же сильно, но Глеб уже притерпелся. Да и не хотелось оставаться дома – опять нахлынут мрачные мысли, тоска навалится. Лучше уж

дохромать до работы.

Невыключенный с вечера ноутбук мигал значком оповещения – новое письмо в почтовом ящике. Поддубный поморщился. Опять какая-нибудь задержка оборудования?

То, что письмо было от Марии, а главное – каким оно было, оказалось началом целой цепочки событий, навсегда изменивших жизнь Глеба Олеговича Поддубного, так лихо переломленной вчерашним сумасшедшим днём.

– Глеб Олегович, можно?

– Да, конечно. Заходите, присаживайтесь. Что случилось, Максим?

– Я заявление принёс на подпись.

– Какое? – Глеб взял протянутый самым молодым биохимиком из своей группы лист формата А4. – Вот как, переводитесь... Не пожалеете?

– Пожалею, Глеб Олегович, сто раз пожалею! Но понимаете, у меня семья, маленький ребёнок... а там очень хороший оклад и сразу квартиру служебную дадут с правом выкупа.

– Понимаю, Максим. Очень хорошо понимаю ваши проблемы. Жаль, что наш институт не может помочь вам их решить. Надумаете возвращаться – позвоните, что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Глеб Олегович! Было так замечательно здесь работать! Вы посидите с нами? Коллеги решили мне проводы устроить, я просил не беспокоиться, но вы же знаете, какие у нас боевые дамы... – Максим смущённо рассмеялся.

– Не обещаю, но постараюсь заглянуть. Всего вам хорошего, Максим.

– До свидания, Глеб Олегович.

В другой ситуации Поддубный не сдался бы так быстро и уломал бы перспективного молодого учёного отказаться от преподавания и остаться на кафедре. Но внезапно открывшаяся вакансия оказалась просто подарком судьбы. Кажется, капризная фортуна решила для разнообразия поиграть на стороне Глеба? Отлично!

– Дима, зайдите ко мне. Захватите форму запроса на нового научного сотрудника для моей группы.

Марии Глеб написал вечером. Совсем короткий мейл, не похожий на их предыдущую переписку.

«Спасибо, Маша. Искренне рад, что ты по-прежнему остаёшься моим другом. Надеюсь, что скоро мы сможем общаться не только по интернету.

Я забрал твою статью у Самойлова, напишу рецензию сам. Он будет кусать себе локти, что упустил такую перспективную разработку, а я с удовольствием за этим понаблюдаю.

Как ты смотришь на то, чтобы после защиты работать в моей группе? Запрос на вашу кафедру я уже отправил факсом и твоё начальство не возражает против перевода. Обсудите это с мужем – для терапевтов здесь много рабочих мест и зарплата выше, чем в вашем городе, я уточнял.

Буду ждать вашего решения».

– Коллеги, больше нет вопросов к Марии Викторовне? – председатель диссертационной комиссии обвёл присутствующих взглядом, все дружно закивали. – Вопросов нет. Что скажет оппонент? Глеб Олегович?

– Тема раскрыта хорошо, но некоторые разделы требуют дополнительных

исследований. Я хотел рекомендовать диссертационную работу госпожи Говоровой сразу на докторскую, однако теперь вижу, что ей ещё есть над чем потрудиться. Таким образом, только на кандидатскую – с перспективой дальнейшей разработки.

– В вашей группе, само собой? – Самойлов не скрывал ядовитого сарказма в голосе. – У вас просто талант в нахождении самых многообещающих тем, господин Поддубный!

– А также в подборе талантливых сотрудников и уважительном к ним отношении, господин Самойлов, – Глеб исподтишка посмотрел на Марию и довольно сощурился – она пыталась сохранить серьёзный вид, но смешинки в глазах так и прыгали. – И вы правы, Мария Викторовна с завтрашнего дня работает у меня.

– Благодарю вас, коллеги, заседание диссертационной комиссии закончено, – после этих слов председателя комиссии все поспешно принялись вставать, шумно двигая стульями. – Мария Викторовна, поздравляю вас с успешной защитой диссертации. Сейчас сразу же зайдите в секретариат, возьмите список документов для получения кандидатского диплома.

Глеб не стал дожидаться Марию. Ни к чему его уважаемым коллегам, а уж тем более вечному сопернику Самойлову видеть, как теплеют её глаза при взгляде на своего уже нынешнего шефа, а сам Поддубный не может сдержать широкой, совсем мальчишеской улыбки.

К тому же Марию уже ждали. Глеб на ходу обменялся рукопожатием с мужем Говоровой, меряющим шагами коридор перед дверью конференц-зала. Александр ничего не стал спрашивать – довольное лицо Поддубного было вполне исчерпывающим ответом. Точно так же широко улыбаясь, как сам Глеб, Саша подхватил с кресла букет цветов и поспешил к двери, из которой выходили члены диссертационной комиссии.

Год спустя.

– Игорь, ты слушаешь? Так вот, я ей говорю... Игорь, здесь нельзя парковаться, что ты делаешь?!

Находкин, не обращая внимания на возмущённые крики жены, выскочил из машины и побежал к подземному переходу. Быть такого не может... Да нет, он обознался, точно обознался!

Возле подземного перехода пара, за которой спешил Игорь, остановилась. Женщина, улыбаясь, что-то быстро проговорила, обращаясь к своему спутнику, и тот рассмеялся. Таким знакомым смехом... Таким знакомым и таким беззаботным смехом!

Игорь будто примёрз к тротуару, ноги отказывались двигаться дальше. Этого просто не может быть. ОН не может так смеяться. ОН не может так бережно поддерживать под руку женщину – беременную женщину! Новое действующее лицо в этой невозможной фантазмагии окончательно лишило Игоря самообладания. Из перехода выскочила девочка в красном плащике, подбежала к женщине. Та наклонилась к ребёнку, расцеловала в обе щёки, а потом... А потом ОН подхватил девчонку на руки! И они ВТРОЁМ пошли куда-то прочь от подземного перехода, вдоль длинного здания Исторического музея, и ОН снова смеялся, и его смех переплетался со звонким смехом девочки в красном плащике. Таким ярким на фоне его тёмно-синего элегантного пальто.

Добежавшая до мужа Ирина что-то гневно говорила, дёргала его за рукав, но Игорь не слушал. Он стоял и смотрел вслед уходящим до тех пор, пока они не исчезли за поворотом.

– Спасибо, Глеб, что встретил моих. Анютка, слезай уже, дядя Глеб тебе не такси! Ты

же уже большая, в школу идёшь осенью!

– А можно, ты меня в школу будешь водить, дядя Глеб? – Аня неохотно расцепила руки на шее Поддубного, и тот осторожно опустил девочку на землю. – А то маме тяжело, а папа всё время на рабо-о-оте!

– Аня, дядя Глеб тоже работает, – Саша взял дочь за руку. – Сама будешь ходить, школа рядом с домом.

– Ну мо-о-ожно?

Глеб рассмеялся. Он за всю жизнь столько не смеялся, сколько за прошедший год. С семьёй Говоровых они теперь жили в одном доме, только в разных подъездах – очень удачно нашлась квартира на продажу, как раз к их окончательному переезду в этот город.

– Конечно, Анют. Будем вместе выходить с утра, ты меня буди.

– Я тебе буду письмо писать, как мама!

– Договорились.

Мария тихо улыбалась, тоже держа дочку за руку. Поддубный полностью оправдал свою репутацию начальника-тирана – даже в декретном отпуске Маша продолжала работу над своей темой, сортируя данные исследований, анализируя их и составляя статистические отчёты. И почти каждое Машино утро начиналось одинаково – она включала компьютер, открывала почту и...

«Выспалась? Надеюсь, что да, потому что у тебя сегодня много работы. До двенадцати часов пересчитай заново таблицы № 3, 7, 12 – там что-то не сходится. И да, чтоб ты не забыла – тебе сегодня нужно на приём к четырём. Саша отвезти не сможет, позвони мне. И дожись, пока я приеду! Не ходи одна, поняла? Премии лишу!»

Когда-то, давным-давно маленькая Маша Говорова мечтала о том, что отец будет ей гордиться.

Когда-то, давным-давно студент-третьекурсник Глеб Поддубный стоял над маминой могилой, отчётливо понимая, что у него больше не осталось родных людей на всём белом свете.

Когда-то, давным-давно Александр Говоров смотрел в лицо старшего брата, искажённое ненавистью, и по ушам больно били злые слова: «Ты мне больше никто, понял? Никто! И не смей даже близко ко мне подходить!»

Они все пережили так много утрат и разочарований. Не потому ли судьба решила дать всем им что-то взамен потерянного и свела вместе – таких непохожих, чужих по крови, но моментально сроднившихся душами?

Кто знает. Жизнь покажет. Ведь жизнь всегда всё расставляет по своим местам.